

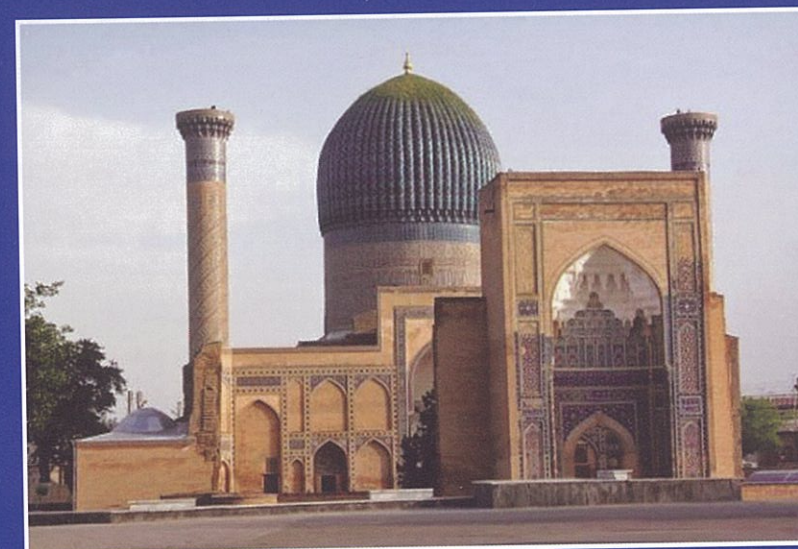
INTERNATIONAL INSTITUTE
FOR CENTRAL ASIAN STUDIES

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

BULLETIN of IICAS

Volume 16, 2012

ВЕСТНИК МИЦАИ

Выпуск 16, 2012

ВЕСТНИК МИЦАИ

издание Международного Института
Центральноазиатских исследований
(Самарканд)

ВЫПУСК 16, 2012

Редакционная коллегия:

Ш.М. Мустафаев (*ответ. редактор*),
К.М. Байпаков, Ш. Пидаяев, Р. Назаров,
Х.С. Ли, М. Калпаклы, Ф.М. Асадов,
Б. Аманбаева, М. Ашраф Хан,
М.Х. Хани

Перевод на английский:

А. Улько

Компьютерная верстка и дизайн:

А. Юлдашев

Адрес:

Международный Институт
Центральноазиатских исследований
Университетский бульвар, 19
140129, Самарканд, Узбекистан
Тел.: (998 66) 235 15 20; 235 15 22;
Факс: (998-66) 235 15 59
E-mail: licasunesco@gmail.com
Web-site: www.unesco-licas.org

Авторы несут ответственность за выбор и предоставление фактов и мнений, содержащихся в этом издании и не выражающих идеи ЮНЕСКО. Обозначения и материалы, представленные в книге, не заключают в себе мнения ЮНЕСКО относительно легального статуса какой-либо страны, территории, города или зоны влияния, границ.

© Международный Институт
Центральноазиатских исследований,
2012

BULLETIN OF IICAS

publication of the International Institute
for Central Asian Studies
(Samarkand)

VOLUME 16, 2012

Editorial board:

Sh.M. Mustafayev, (*editor-in-chief*),
K.M. Baypakov, Sh. Pidayev, R. Nazarov,
H.S. Lee, M. Kalpakli, F.M. Asadov,
B. Amanbaeva, M. Ashraf Khan,
M.H. Khani

Translated into English:

A. Ulko

Computer design:

A. Yuldashev

Address:

International Institute
for Central Asian Studies
19, University Boulevard str., 140129,
Samarkand, Uzbekistan
Tel.: (998 66) 235 15 20; 235 15 22
Fax: (998-66) 235 15 59;
E-mail: licasunesco@gmail.com
Web-site: www.unesco-licas.org

The authors are responsible for the choice and the presentation of the facts contained in this edition and for the opinions expressed therein, which are not necessarily those of UNESCO and do not commit the organization. Nor do they the expression of any opinions as the part of UNESCO concerning the legal status of any country, territory, city or area or of its authorities, or concerning the delimitation of its frontier or boundaries.

© International Institute
for Central Asian Studies,
2012

СОДЕРЖАНИЕ

Луно Э.

Некоторые основы новейших исследований финальной бронзы (ок. 1750 - 1500/1450 гг. до н.э.) на юге Центральной Азии

3

Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов О.-Ш.

Мавзолей Мазлумхан-Сулу - уникальный памятник древнего Миздахкана

16

Байпаков К.М., Воякин Д.А., Ильин Р.В.

Города Хувара и Янгикент – старая и новая столицы Государства огузов

22

Татыбаев А.С.

Образ Тимура в западной культуре: мифология и реальность

45

Мустафаев Ш.М.

Тимур и Баязид: восприятие османской власти в Анатолии накануне битвы при Анкаре

58

Фирузечиан Ф.

Введение в консервацию движимого культурного наследия в Иране

69

КОНФЕРЕНЦИИ

Третья встреча Координационного комитета по Серийной трансграничной номинации объектов Шелкового пути в Список Всемирного наследия / Семинар по подготовке и гармонизации номинационного досье памятников Шелкового пути

78

Вторая встреча экспертов по подготовке номинационного документа по коридору «Пенджикент-Самарканд-Мерв» в рамках серийной транснациональной номинации Шелкового пути в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО

80

Международный научный семинар «Центральная Азия и Кавказ в конце XIX – начале XX в.: измерения и вызовы нового времени»

81

ПУБЛИКАЦИИ МИЦАИ

85

Фото на обложке: Мавзолей Гур-Эмир в Самарканде, 1404 г. (Узбекистан)

Image on the cover: Gur-Emir Mausoleum in Samarkand, 1404 (Uzbekistan)

CONTENTS

Luneau E. Some elements about new researches on the Final Bronze Age (ca. 1750 - 1500/1450 BC) in Southern Central Asia	3
Kdyrniyazov O.-Sh., Kdyrniyazov M.-Sh. The Mazlumkhan-sulu mausoleum - a unique monument of ancient Mizdahkan	16
Baipakov K.M., Voyakin D.A., Ilin P.V. The towns of Huwara and Yangikent, the old and the new capitals of the Oghuz state	22
Tatybaev A. S. Tamerlane in the Western culture: myths and reality	45
Mustafayev Sh.M. Tamerlane and Bayezid: the image of the Ottoman power in Anatolia on the eve of the battle of Ankara	58
Firoozehchian F. Introduction of movable heritage conservation in Iran	69

CONFERENCES

Third Meeting of the Coordinating Committee for the Serial Transboundary Nomination of the Silk Road Objects for the World Heritage List / Seminar on the Preparation and Harmonisation of the Nomination Dossier of the Silk Road Monuments	78
Second Meeting of Experts in Preparation of a Nomination Document for the 'Penjikent-Samarkand-Merv' Corridor as part of the Serial Transnational Nomination of the Silk Road for the UNESCO World Heritage List	80
International Scientific Workshop 'Central Asia and Caucasus in the late 19th-early 20th centuries: Dimensions and Challenges of the New Time'	81

PUBLICATIONS OF IICAS

85

НЕКОТОРЫЕ ОСНОВЫ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ (ОК. 1750 - 1500/1450 ГГ. ДО Н.Э.) НА ЮГЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

SOME ELEMENTS ABOUT NEW RESEARCHES ON THE FINAL BRONZE AGE (CA. 1750 - 1500/1450 BC) IN SOUTHERN CENTRAL ASIA

© 2012 г. Э. Луно
Париж, Франция

© 2012 E. Luneau
Paris, France

«Цивилизация Окса», или «Бактрийско-Маргианский археологический комплекс», географически располагающийся на юге современной Центральной Азии и исторически носящий название «Бактрия» на севере Афганистана, юге Узбекистана и юге Таджикистана и «Маргиана» в центральном Туркменистане, относится к среднему и позднему периоду бронзового века, т.е. примерно к 2300-1500 гг. до н.э.¹ После потрясающего взлета в 1750-1500/1450 гг. до н.э. в цивилизации Окса произошли серьезные сдвиги во всей социальной сфере, а затем она прекратила существование, уступив место культуре лепной расписной керамики раннего железного века.

Произошедшие изменения: исчезновение или уменьшение площади главных городищ, трансформация и обеднение материальной культуры, технологический регресс, мутация архитектуры, новые способы захоронения, а также ослабление связей с отдаленными регионами рассматриваются как кризисные². Заключительная фаза цивилизации Окса воспринимается как тотальный и продолжительный распад всего общества, и как следствие, многие специалисты считают этот период неинтересным и не заслуживающим внимания.

Кроме того, в данный период на этой территории существовало еще несколько культурных групп: Бишкентская³ и Вахшская⁴, а также Андроновская с некоторыми неопределенными культурами⁵. Все они взаимодействовали с цивилизацией Окса⁶, но установить характер этих взаимоотношений, а также степень влияния данных народов на развитие Бактрийско-Маргианской культуры, представляется проблематичным⁷.

И наконец, существует неразбериха в терминологическом и хронологическом определении заключительной стадии бронзового века («поздний бронзовый век», «финальная бронза», «Намазга VI») и поэтому вопрос периодизации остается спорным для всей территории Амударьинской цивилизации.

Задача данной статьи – широко осветить основные результаты повторного анализа этого сложного периода, выполненного с целью написания докторской

The Oxus Civilization or Bactria Margiana Archaeological Complex, geographically located in the south of present-day Central Asia (historically designated by the terms "Bactria" in northern Afghanistan, southern Uzbekistan and southern Tajikistan, and "Margiana" in central Turkmenistan) belongs to the Middle and Late Bronze Age between ca. 2300 and 1500 BC¹. After a brilliant peak phase, the Oxus civilization underwent major shifts in the whole social sphere, during the Final Bronze Age between ca. 1750 and 1500/1450 B.C., before disappearing and letting place to the "handmade painted pottery cultures" of the Early Iron Age.

These changes are all perceived as breaks or damages: abandonment or reduction of the main sites, transformations and impoverishment of the material culture, technological regression, architectural mutations, new burial practices and slackening of long distance exchanges². The final phase of the Oxus civilization is grasped as a global and continuous decay of the whole society, and, thus, considered by numerous scholars as unattractive and insignificant.

Besides, at this time, several cultural groups were

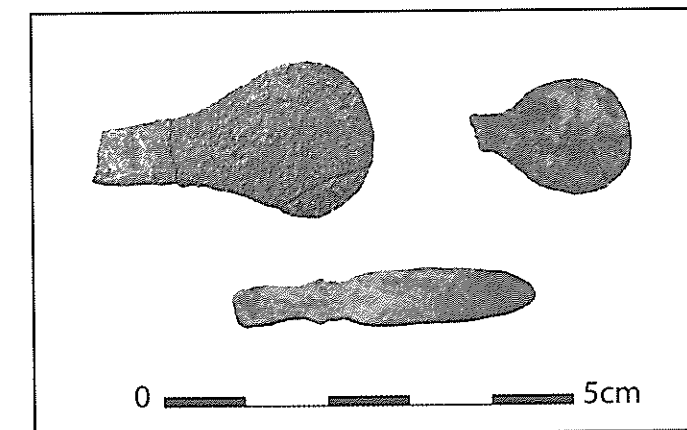

Рис. 1. Миниатюрные предметы с Джаркутан 3 (MAFOUZ-Protohistoire).

Fig 1. Miniature objects from Dzharkutan 3 (MAFOUZ-Protohistoire).

собой большие многокамерные и многокупольные сооружения. Таковы мавзолей Мазлумхан-Сулу (30-40-е годы XIV в.), Тюрбек-ханым (20-30-е годы XIV в.), Шейх Мухтар Вали (нач. XIV в.), Шамун Наби (XIII-XIV вв.) и др. Маленькие хужры по сторонам от центральной объемной комнаты также имели купольные перекрытия. Иногда архитектурный комплекс состоял из нескольких частей: усыпальницы проповедника - мавзолей, тилеухана (чилликхана), погребальной ограды и шейхханы (Миздахкан: Шамун-наби и ханака-мечеть Миздахкана).

Изучение мавзолеев позволяет установить, что до- и монгольские сооружения относятся к группам портално-купольных однокамерных построек с шатровым верхом. Шатровый тип - многочисленная группа сооружений домонгольского периода, характерный признак которых - наличие конического или пирамидального купола. Развитие мавзолеев с шатровым перекрытием продолжалось в Средней Азии именно в северных областях (Хорезм). Это связано с многовековой традицией погребального обряда и постройками местных народностей¹². Наиболее древние мавзолеи шатрового типа были открыты и обследованы Хорезмской археолого-этнографической экспедицией на границе Хорезма с кочевой степью. В дельте Сырдарьи сооружены курганы Тагискена (IX-VIII вв. до н.э.) и мавзолей Боланды-2 (IV в. до н.э.) с цилиндрической погребальной камерой и пирамидальным шатром¹³. По гипотезе Г.А. Пугаченковой, шатровые мавзолеи ведут свое начало от древних погребальных сооружений, распространенных в среднеазиатской полукочевой среде, у присырдарьинских тюрок-сельджуков. Хорезм исторически и географически оказался на пути огузо-сельджукской миграции. Здесь уместно напомнить, что мавзолей Текеша (посл. четверть XII - нач. XIII в.) и Иль-Арслана Фахр ад-Дина Ризи (вторая треть четверть XII в.) - однокамерные, портално-купольные центрические сооружения с шатровым куполом на призматическом корпусе. Степное, тюркское влияние на архитектуру Средней Азии прослеживается и в появлении декоративного портала. Существует даже термин «сельджукский портал», т.е. портал со сталактитовым нишевым сводом, который в XI-XII вв. распространился из Хорасана вплоть до Малой Азии и Багдада¹⁴. Портально-купольная с шатровым покрытием постройка в XIII-XIV вв., хотя и формально, переключается с памятниками Хорезма (Халифа Реджеп), мавзолеем Шемахакалы и мавзолеями Джочи хана, Байтака, Кок-Кесене в Казахстане¹⁵.

Несомненно, мавзолей Мазлумхан-Сулу, как и другие архитектурные постройки восточного холма, являясь

constructions. Such are the Mazlumkhan-sulu (30s-40s of the 14th century), Tyurabek-khanym (20s-30s of the 14th century), Sheikh Muhtar Vali (early 14th century), Shamun Nabi (13th-14th century) and other mausoleums. Small rooms (khujra) at the sides of the spacious central room were also covered with domes. Sometimes an architectural complex was composed of several parts: a mausoleum - the crypt of a preacher, tileukhana (chillikhana), a burial fence and a sheikhkhana (Mizdahkan: the Shamun Nabi and the khanqah-mosque of Mizdahkan).

The study of mausoleums allowed us to establish that pre-Mongol and Mongol constructions belong to one-room domed buildings with hipped roofs. The marquee-like mausoleum with a hipped roof is a wide group of pre-Mongol constructions, the characteristic feature of which is the conic or pyramidal dome. It was in the northern parts of Central Asia (Khorasm) where the development of mausoleums with hipped covering continued. It was connected with the centuries-old burial tradition and local peoples' constructions¹². The most ancient mausoleums of the marquee type were discovered and examined by the Khorasm archeological and ethnographic expedition at the boundary between Khorasm and the nomadic steppe. The Tagisken mounds (9th-8th century BC) and Bolandy-2 mausoleum (4th century BC) with a cylindrical burial room and a pyramidal dome were constructed in the Syrdarya delta¹³. According to G. A. Pugachenkova, marquee-like mausoleums originate from ancient burial constructions common for Central Asian semi-nomadic peoples, for the Turkic Seljuks from the Syrdarya regions. Historically and geographically Khorasm was on the way of the Oguz and Seljuk migration. Here it should be mentioned that the mausoleums of Tekesh (last quarter of the 12th-early 13th century) and Il-Arslan Fahr ad-Din Razi (second-third quarter of the 12th century) are one-room centric constructions with a portal and a hipped dome mounted on a prismatic body. The appearance of the decorative portal also shows the Turkic, steppe influence on the Central Asian architecture. There is even the term 'Seljuk portal', a portal in the form of a niche with a stalactite vault, which in the 11th-12th centuries spread from Khurasan up to Asia Minor and Bagdad¹⁴. The 13th-14th-century construction with a portal and a hipped dome corresponds, though formally, with the monuments of Khorasm (Caliph Rejep), the Shemakhakaly mausoleum and the Jochi-khan, Baytak and Kok-Kesene mausoleums in Kazakhstan¹⁵.

Undoubtedly, the Mazlumkhan-sulu mausoleum,

многофункциональным сооружением культово-общественного характера, своим архитектурно-планировочным расположением дополняет инфраструктуру города, его отдельные слагаемые части. В золотоордынский период в Южном Приаралье, кроме описанных культовых построек, существовали мавзолей Наринджан-баба (перв. пол. XIV в.), Пахлаван Махмуда (1247-1325), в Хиве - Саид Алаауддина (1303 г.)¹⁶. Однако мавзолей Мазлумхан-Сулу своей необычной планировкой и простым декором отличается от других памятников Хорезма той эпохи.

¹ Якубовский А.Ю. Городище Миздахкан // Записки Коллегии востоковедов. Ленинград, 1930. С. 551-581.

² Ягодин, Ходжайов Т. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент: Фан, 1970. С. 10.

³ Филимонов В.М. Уникальный памятник гражданского зодчества дворец Мазлумхан-Сулу // Материалы и исследования по истории реставрации архитектурных памятников Узбекистана. Вып. I. Ташкент, 1967. С. 71, илл. 3.

⁴ Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Москва, 1958. С. 239.

⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки квартала XV-XVII вв. на городище Таш кала // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Том. 2. Москва, 1958. С. 520; Кдырниязов М.-Ш. Капители-колонны из Миздахкана // SAN'AT (ART, искусство). 2003. №1. С. 11.

⁶ Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Москва, 1958. С. 252-253.

⁷ Гражданкина Н.С. Строительные материалы мавзолеев Миздахкана // Архитектурное наследие Узбекистана. Ташкент, 1960. С. 47.

⁸ Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975. С. 151.

⁹ Гражданкина Н.С. Строительные материалы мавзолеев Миздахкана // Архитектурное наследие Узбекистана. Ташкент, 1960. С. 49.

¹⁰ Филимонов В.М. Уникальный памятник гражданского зодчества дворец Мазлумхан-Сулу // Материалы и исследования по истории реставрации архитектурных памятников Узбекистана. Вып. I. Ташкент, 1967. С. 67.

¹¹ Ягодин, Ходжайов Т. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент: Фан, 1970. С. 11.

¹² Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Кумбиз Манаса. Москва, 1950. С. 86-87.

¹³ Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва, 1962. С. 88.

¹⁴ Засыпкин Б.Н. Архитектура Средней Азии. Москва, 1948. С. 40; Армачук Е.А. Изучение памятников Куны-Ургенча. Старые и новые гипотезы // Приаралье в древности и средневековья. Москва, 1998. С. 205.

¹⁵ Мендикулов М. Памятники народного зодчества западного Казахстана. Алма-Ата, 1987. С. 46-52.

¹⁶ Маньковская А.Ю., Булатова В.А. Памятники зодчества Хорезма. Ташкент, 1978. С. 79; 149-150; 160-173.

like the other constructions of the Eastern hill, being a multifunctional public cultic building, architecturally complements the plan of the town to produce a single unity out of separate elements. Apart from the above described cultic buildings, there were other mausoleums built on the southern shore of the Aral Sea at the time of the Golden Horde, such as the Narinjan-baba (first half of the 14th century) and Pahlavan Mahmud (1247-1325), as well as the Said Alaaddin (1303)¹⁶ in Khiva. However, the Mazlumkhan-sulu mausoleum is different from other Khorasm monuments of that period in its unusual plan and simple décor.

¹ Yakubovskii A.Yu. Gorodische Mizdahkan // Zapiski Kollegii vostokovedov. Lenigrad, 1930. p. 551-581.

² Yagodin, Hodjaiov T. Nekropol' drevnego Mizdahkana. Tashkent: Fan, 1970. p. 10.

³ Filimonov V.M. Unikal'nyi pamyatnik grajdanskogo zodchestva dvorec Mazlumhan-Sulu // Materialy i issledovaniya po istorii restavracii arhitekturnykh pamyatnikov Uzbekistana. Vyp. I. Tashkent, 1967. p. 71, ill. 3.

⁴ Pugachenkova G. A. Puti razvitiya arhitektury Yujnogo Turkmenistana pory rabovladieniya i feodalizma. Moskva, 1958. p. 239.

⁵ Fedorov-Davydov G.A. Raskopki kvartala XV-XVII vv. na gorodische Tash kala // Trudy Horezmskoi arheologo-etnograficheskoi ekspedicii. Tom. 2. Moskva, 1958. S. 520; Kdyrniyazov M.-Sh. Kapiteli-kolony iz Mizdahkana // SAN'AT (ART, iskusstvo). 2003. №1. p. 11.

⁶ Pugachenkova G. A. Puti razvitiya arhitektury Yujnogo Turkmenistana pory rabovladieniya i feodalizma. Moskva, 1958. p. 252-253.

⁷ Grajdankina N.S. Stroitel'nye materialy mavzoleev Mizdahkana // Arhitekturnoe nasledie Uzbekistana. Tashkent, 1960. p. 47.

⁸ Valeev F.H. Drevnee i srednevekovoe iskusstvo Srednego Povol'ya. Ioshkar-Ola, 1975. p. 151.

⁹ Grajdankina N.S. Stroitel'nye materialy mavzoleev Mizdahkana // Arhitekturnoe nasledie Uzbekistana. Tashkent, 1960. p. 49.

¹⁰ Filimonov V.M. Unikal'nyi pamyatnik grajdanskogo zodchestva dvorec Mazlumhan-Sulu // Materialy i issledovaniya po istorii restavracii arhitekturnykh pamyatnikov Uzbekistana. Vyp. I. Tashkent, 1967. p. 67.

¹¹ Yagodin, Hodjaiov T. Nekropol' drevnego Mizdahkana. Tashkent: Fan, 1970. p. 11.

¹² Masson M.E., Pugachenkova G.A. Kumbez Manasa. Moskva, 1950. p. 86-87.

¹³ Tolstov S.P. Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta. Moskva, 1962. p. 88.

¹⁴ Zasyypkin B.N. Arhitektura Srednei Azii. Moskva, 1948. p. 40; Armarchuk E.A. Izuchenie pamyatnikov Kunya-Urgench. Starye i novye gipotezy // Priaral'e v drevnosti i srednevekov'ya. Moskva, 1998. p. 205.

¹⁵ Mendikulov M. Pamyatniki narodnogo zodchestva zapadnogo Kazahstana. Alma-Ata, 1987. p. 46-52.

¹⁶ Man'kovskaya L.Yu., Bulatova V.A. Pamyatniki zodchestva Horezma. Tashkent, 1978. p. 79; 149-150; 160-173.

ГОРОДА ХУВАРА И ЯНГИКЕНТ – СТАРАЯ И НОВАЯ СТОЛИЦЫ ГОСУДАРСТВА ОГУЗОВ

THE TOWNS OF HUWARA AND YANGIKENT, THE OLD AND THE NEW CAPITALS OF THE OGHUZ STATE

© 2012 г. К.М. Байпаков,
Д.А. Воякин, Р.В. Ильин
Алматы, Казахстан

© 2012 K.M. Baipakov,
D.A. Voyakin, R.V. Ilin
Almaty, Kazakhstan

Огузские и туркменские племена, сельджуки играли важную роль в истории Евразии¹. Период их пребывания на территории Казахстана приходится на IX–XII вв., до того как эти племена ушли из Казахстана на юг Средней Азии, в Иран и Афганистан, Закавказье, Малую Азию, где приняли участие в формировании туркменского, азербайджанского и турецкого народов. Значительные группы племен огузского происхождения влились в состав казахов, узбеков, каракалпаков, башкир, татар².

В археологии наибольшую известность получили остатки города Янгикента – столицы огузов. Сейчас это городище Джанкент, которое находится неподалеку от Казалинска в Приаралье. Интерес к городищу давно привлекает внимание исследователей. В 1867 году его осмотрел востоковед П.И. Лерх, в 1868 г. раскопки проводил художник В.В. Верещагин, оно описывалось членами Туркестанского кружка любителей археологии В.Каллауром, В.Смирновым. Интерес общества к древностям Казахстана и Средней Азии был настолько велик, что известный искусствовед того времени В.В. Стасов в рецензии на книгу Н.Симакова «Искусство Средней Азии» писал: «Отчего старому городу около Джанкента не быть нашей Помпеей»³.

Уже тогда предпринимаются попытки оградить городище от разрушения, о чем тот же В.В.Стасов писал: «Военные люди, которым обычно нет дела до древностей, теперь интересуются развалинами, помышляют об их важности для науки, отрягают часовых, чтобы сторожить их, стараются о спасении их... от всякого вреда... Не прекрасно ли это, не приятнейшая ли это у нас новость?»⁴.

С тех пор прошло много лет и уже ближе к середине XX в., точнее в 1945 г., изучением огузских городов Приаралья занялся С.П.Толстов – руководитель Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР⁵.

Расселение огузов. Сведения, содержащиеся в географическом сочинении ал-Идриси «Китаб Руджар»,

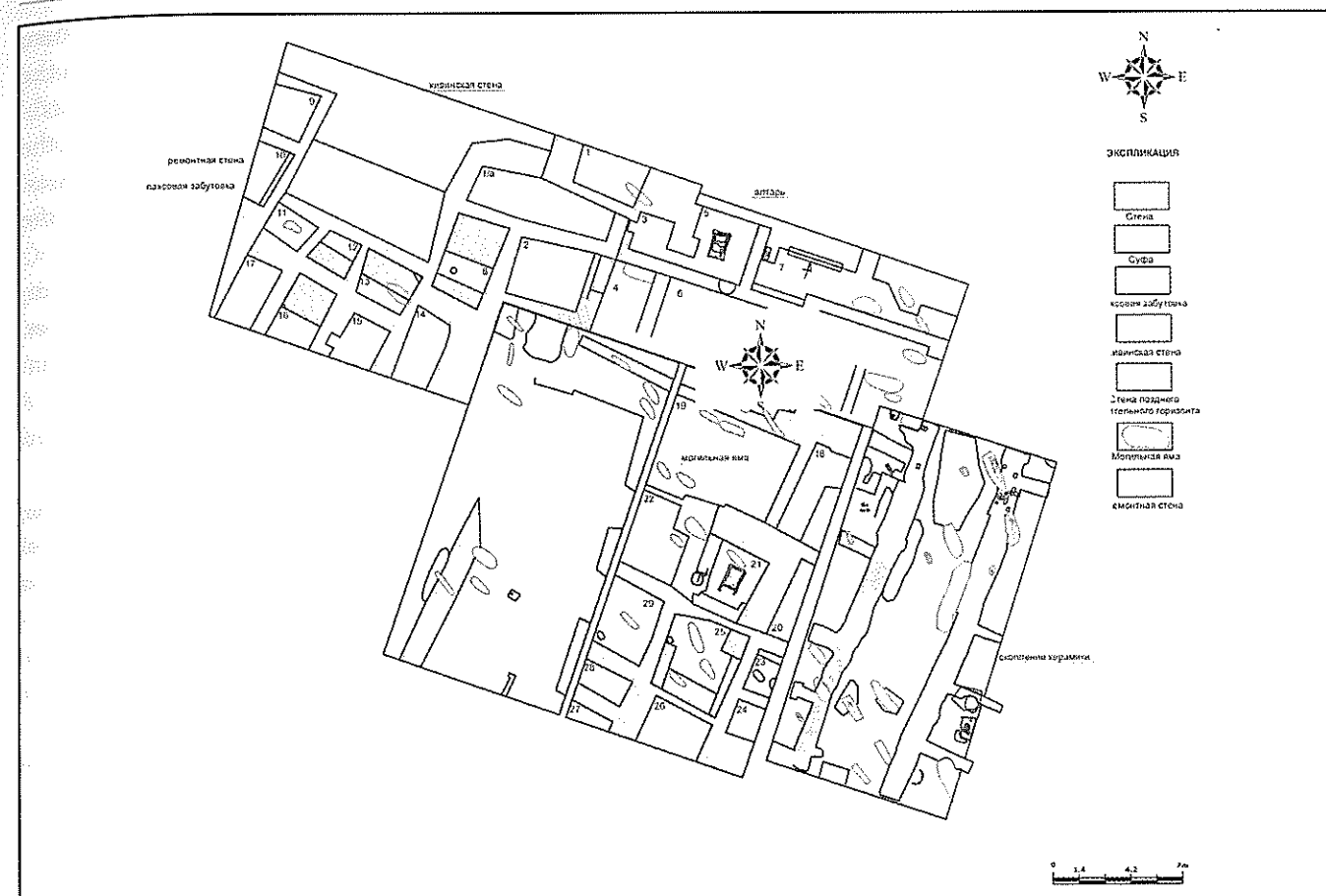
The Oghuz and Turkmen tribes, the Seljuks played a very important role in the history of Eurasia¹. These tribes had lived on the territory of Kazakhstan in the period from the 9th to 12th centuries and afterwards they moved to the South of the Central Asia, Iran, Afghanistan, South Caucasus and Asia Minor participating in the formation of the Turkmen, Azerbaijani and Turkish peoples. Large groups of the Oghuz intermingled with Kazakh, Uzbek, Karakalpak, Bashkir and Tatar ethnic groups².

The remains of the town of Yangikent, the capital town of the Oghuz tribes is one of the best known elements of their cultural heritage known to archaeologists. Today it is known as the ancient town of Jankent, which is situated close to the Kazalinsk in the Aral Sea region. This ancient town appealed to researchers for a long time. The famous orientalist Lerkh P.I. examined this town in 1868, the painter Vereschyagin V.V. conducted excavations there in 1868 and it was described by Kallaur V. and Smirnov V., the members of the Turkestan Union of Archaeology Admirers. The interest of that society to antiquities of Kazakhstan and Central Asia was so great that in his review of the N. Simakov's book *The Art of Central Asia*, the famous orientalist of that time Stasov V.V. wrote: 'Why cannot the ancient town near Jankent be our local Pompeii?'³.

Even then there were attempts to save the town from destruction. V. Stasov wrote: '... military people, who usually do not care about ancient heritage, are interested in ruins, think about their importance for science, choose guard to protect them and try to save them...from any harm... It is perfect, isn't it? It is a great news for us'⁴.

A lot of time passed since that time and in mid-20th century or to be more exact, in 1945, the head of the Khorezm Archaeological and Ethnographic Expedition of the USSR Academy of Science Sergey Tolstov began the exploration of the Oghuz towns in the Aral Sea region⁵.

Areas populated by the Oghuz. The information contained in al-Idrisi's *Kitab Nuzhaty*, works by al Istakhri, Marwazi and al-Biruni helps to define the borders of the

Городище Джанкент. План раскопа.

Jankent ancient city. Plan of excavation

в сочинениях ал-Истахри, Марвази, Бируни, позволяют установить границы земель огузов в X в. Огузские племена обитали в степной полосе Казахстана от Южного Прибалхашья до низовий Волги⁶.

Наиболее компактно они жили в Приаралье, Северном Прикаспии, в нижнем течении Сырдарьи. Отдельные группы огузов обитали в Семиречье, где в X в. среди местного тюркоязычного степного населения преобладали карлуки и кимаки.

В X в. одна из групп огузских племен кочевала в долине реки Чу и в Таласском Алатау. Идриси называет огузов Шуйской долины хандагами. Эти огузские племена отличались храбростью и независимостью.

Группы огузов в X в. населяли также среднее течение Сырдарьи и предгорья Сырдарьинского Каратау.

Следует отметить, что пребывание огузов на среднем течении Сырдарьи подтверждается и другими арабоязычными источниками X в. В сочинении Ибн Хаукала говорится, что огузы жили по краям пустыни, где река Шаш пересекала границу Сабрана. Интересные сведения о расселении здесь огузов содержатся в персидской версии труда Истахри. «Когда (река Чач),

areas inhabited by Oghuz tribes in the 10th century. They lived in the steppes of Kazakhstan stretching from the Southern Balkhash to the lower reaches of the Volga river⁶.

They densely populated the Aral region, the Northern Caspian region and the lower reaches of the Syr Darya river. Separate groups of Oghuz lived in Zhetysay, where in the 10th century where the dominant local Turkic tribes were Karlucs and Kimaks.

In the 10th century one of the group of the Oghuz tribes moved to the valley of the Chu river in the Talas Alatau. Idrisi calls Oghuz tribes living in the Shu valley 'the khandag'. These Oghuz tribes were remarkable for their courage and independence.

In the 10th century, some Oghuz tribes also inhabited the middle reaches of the Syr Darya river and the foothills of the Syr Darya Karatau.

The presence of the Oghuz tribes in the middle reaches of the Syr Darya is confirmed by other Arab sources of the 10th century. Ibn Hawqal says that the Oghuz lived at the edges of the desert, where the Shash river crossed the border of the Sabran area. The Persian version of the Istakhri's work contains some very interesting information

- говорится в этом источнике, - проходит пределы Сабрана, то на этой реке (в местности) Даруйе находятся жилища гузов».

Огузские кочевья заходили и на левый берег Сыр-дарьи. В пользу этого мнения говорит текст Истахри, который пишет, что город Сюткент являлся пограничным рубежом Мавераннахра с кочевьями тюрок-огузов.

Племена огузов обитали между Фарабом и Кендждой. Область Кенджида находилась в среднем течении Арыси. Главным городом области был Субаникет (Арсубаникет).

В X в. часть огузов жила также в пределах Шашской и Исфиджабской областей.

Другая часть огузов в тот же период жила в Келесской степи, в долине Ангrena и Чирчика, в предгорьях Чаткальского и Угамского хребтов. Огузские племена обитали здесь вперемешку с карлуками и другими тюркоязычными группами. Эти племена, подвергшиеся исламизации, частично осели в городах и сельских поселениях Шашской и Исфиджабской областей.

Огузские племена обитали не только на среднем, но и на нижнем течении реки Сырдарьи.

В X в. большинство огузских племен кочевало в степях вокруг Аральского и Каспийского морей. Масуди отмечает, что в пустынях у Хазарского моря находятся многие из кочевьев гузов. Укрепленные ставки были

about Oghuz's settlement there. The works says: 'Where the (Chach) goes beyond Sabran, along this river in the (territory of) Daruye one can find Oghuz settlements'.

The Oghuz nomads also stayed at the left bank of the Syr Darya and Istakhri says that the town of Syutkent was the frontier town of Transoxiana (Maverannahr) with the Turk-Oghuz population areas.

The Oghuz tribes lived between Farab and Kendzhida, which situated at the middle reaches of the Arys river. The town of Subaniket (Arsubaniket) became the main town of the region.

In the 10th century a part of the Oghuz tribes lived within Shash and Isfidjab regions.

The other part of these tribes lived in the Keles steppe, in the valley of Angren and Chirchik, in the foothills of the Chatkal and Urgan ridges. In these places, the Oghuz tribes lived together with the Karluk and other Turkic-speaking groups. These tribes were partly subjected to Islamisation and partly settled in urban and rural areas of Shash and Isfidjab regions.

The Oghuz tribes lived both in the middle and the lower flow of the Syr Darya river.

In the 10th century the majority of the Oghuz roamed across the steppes around the Aral and Caspian Seas. Al-Masudi noted that there were a lot of camps of the nomadic Oghuz in the steppes of the Caspian (Khazar) Sea. Their camps could also be found to the west of the Aral Sea. Geographic atlases of the 10th century put Oghuz to the Northern and Eastern shores of the Caspian Sea.

There is a Siyah Kuh mountain situated to the North of the Caspian Sea. The book Khudud al-Alam mentions the settlement of the Oghuz Turks at the Siyah Kuh. Maps of al-Idrisi also point our camps of Oghuz at the Siyah Kuh. Several researchers identify the Siyah Kuh with the Mangistau peninsula.

According to Istakhri's map and the works of Ibn Rustah, in the 10th century the Siyah Kuh referred both to the stony semi-deserts of the Mangistau and to the steep chinks of the Ustyurt Plateau.

In the 10th century the western borders of the area where Oghuz built their camps and fortresses, reached the Southern Ural and Volga regions. Additionally, Oghuz roamed along the Irgiz, the foothills of the Mugodzhars Hills, Emba, Ural, the banks of the Aralsor and Uil.

In the 10th century the line of Oghuz camps stretched from the Ural to the lower reaches of Volga. According to Khudud al-Alam, the Oghuz tribes reached Attil from the Northern part of the Caspian Sea: 'the Eastern (part) of the region of (Oghuz links) to the Gus desert and towns of Transoxiana and the Southern part (links) to several

разбросаны и к западу от Арала. Географические атласы X в. помещают огузов на северном и восточном побережьях Каспийского моря.

Севернее Каспийского моря указаны горы под названием Сияхкух. В «Худуд ал-алам» говорится о расселении на Сияхкухе «группы тюрок из огузов». Огузские «убежища», находившиеся в горах Сияхкуха, отмечены и на картах Идриси. Ряд исследователей отождествляет Сияхкух с полуостровом Мангистау.

Судя по карте Истахри и свидетельству Ибн Руста, в X в. Сияхкухом назывались не только каменистые полуострова Мангистау, но и обрывистые чинки Устюрта.

Западные границы огузских становищ и крепостей достигали в X в. Южного Урала и Нижнего Поволжья. Огузы кочевали по Иргизу, в предгорьях Мугоджар, по Эмбе, Уралу, на берегах Аралсора, Уила.

Кочевья огузов в X в. простирались от Урала до нижнего течения Волги. В «Худуд ал-алам» говорится, что к северу от Хазарского моря огузы достигали Аттила: «Восточная (часть) области (гузов соприкасается) с Гузской пустыней и городами Мавераннахра, а южная также (соприкасается) с некоторыми (местами) этой (Гузской) пустыни. С другой (стороны этой области) – Хазарское море, а с юга и севера – река Аттил». Расселение огузов в низовьях Волги отмечается и в географических трудах Истахри и Ибн Хаукала.

Огузские племена, кочевавшие в X в. по Уралу и левому берегу Волги, граничили с башкирами и буртасами. Земли огузов соприкасались с башкирскими в предгорьях Южного Урала.

Ибн Фадлан отмечает башкир за рекой Багнади, вероятно, соответствующей нынешней Явынды. Он сообщает о нападении башкир на караваны, шедшие через огузские земли в Волжскую Булгарию.

В X в. западноогузские племена граничили не только с башкирами, но и с хазарами и буртасами, обитавшими в Поволжье⁷.

Города огузов. Идриси так описал города гузов: «Города гузов многочисленны, они тянутся друг за другом на север и восток. У них неприступные горы, и у них там укрепленные крепости, в которых укрываются их князья и в которых они хранят свои запасы продовольствия. Там есть люди (назначенные князьями), которые охраняют эту землю... главный город их (гузского племени Хандага(и)) называется Хиям. Там они находят убежище и там укрываются со своими пожитками... это – неприступная крепость на вершине горы с трудным подъемом и она крайне неприступна и укреплена... Город Хиям на севере и Джаджан на юг от реки, оба они маленькие города, в высшей степени

(places) of this (Gus) desert. The other (part of this region), borders with the Caspian Sea and the Attil river from the North and South.' Settling of the Oghuz tribes in the lower reaches of the Volga river is also confirmed in the works of Istakhari and Ibn Hawqal.

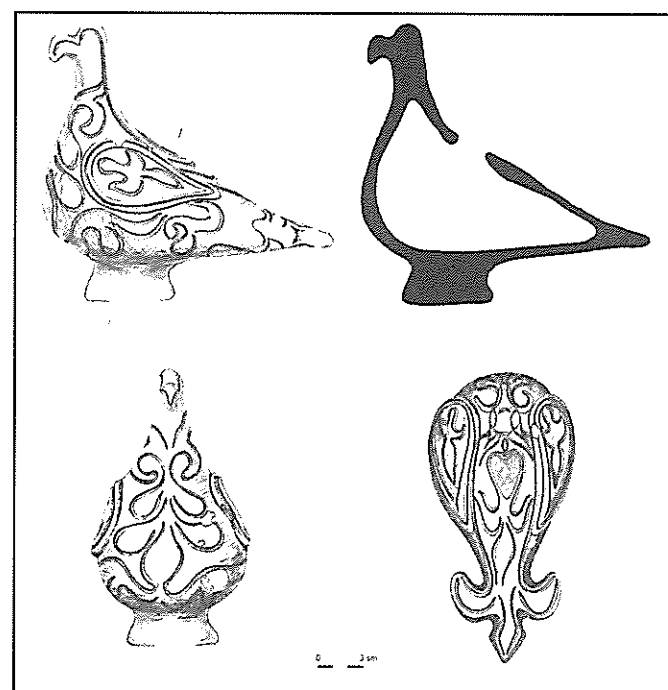
The Oghuz tribes, who in the 10th century migrated along the Ural and the left bank of the Volga river, bordered with Bashkir and Burtas tribes. Lands of Oghuz bordered with Bashkir in the foothills of the Southern Ural.

Ibn Fadlan noted that the Bashkir tribes lived near the Bagnadi river, which probably coincides with the modern Yavynda. He writes about the Bashkir pillaging caravans which passed through the Oghuz lands and went on to Volga Bulgaria.

In the 10th century the Western Oghuz tribes had common borders with Bashkir, Khazar and Burtas, who lived in the Volga region⁷.

Oghuz towns. Idrisi described Oghuz towns as 'numerous and situated in line from the North to the East. They have constructed their fortresses in the impassable mountains and these fortresses are hiding their princes and food supplies. There are people (appointed princes) who guard this land ... their main town (the Handaga(s) tribe of the Oghuz) is called Khiam. This fortress gives them shelter, where they can hide with their belongings. It is situated on top of the mountain with the difficult climb, which is difficult to reach. The fortress is well defended. The towns of Khiam from the north and Dzhardzhan from the south of the river are small, highly fortified and similar. On the bank of this river (Magra or Marga) there is a mountain with the high peak, which gives the beginning to thousands of springs, which then flow into the Magra river. There are two fortresses-towns at the top of the mountain called Nudjah and Badagah, which are situated in a one day journey from each other... There are the towns of Daranda and Darku on the foothills of mountains mentioned above. Daranda is situated to the West from Darku and there are 3 days of journey between them. These are two small towns, which have markets, artisans and high-class goods. Both towns are well-fortified and unassailable. There is always snowy weather in these towns and that is why their residents are gather raw crops and dry them with the help of smoke under shelter. It is always cold and rainy there and very few dry days in a year...'

Then follows a description of the town of Gorguz (large fortress situated in the mountain near the lake with the same name), Dzhardzhan and 'Dakhlan town, which is similar to a fortress'. The chieftain of this settlement 'has necessary ammunition and army and invades Taraz from time to time...'

Городище Джанкент.

Керамическая курильница в виде птицы.

Jankent ancient city.

Ceramic cassolette in the form of a bird. Graphics.

укрепленные, оба они одинаковы... На берегу этой реки (Магра или Марга) находится гора с высокой вершиной, из нее вытекает больше тысячи источников, которые все впадают в р. Магра. На вершине ее два города вроде крепостей, название одного из них Нуджах, другого Бадагах, между ними день пути... У подножия упомянутых гор лежат два города, название одного из них Даранда, другого – Дарку. Даранда на запад к Дарку, между ними расстояние 3 дней (пути). Это 2 маленьких города, в них есть рынки, ремесла и превосходные товары, оба они в высшей степени укреплены и неприступны. Снег у них всегда, жители этих стран собирают свои посевы незрелыми и сушат их в дыму и под навесом: это из-за сильного холода у них, постоянных дождей и редкости сухих дней...».

Далее следует упоминание города Горгуз (большая крепость на горе, на берегу одноименного озера), Джаджан и «Дахлан, город, подобный крепости...», предводитель которого, «обладающий снаряжением и многочисленным войском, время от времени он делает набег на землю Тараз...».

Еще ниже упомянуты города Рузан или Рудан, Гарбиан и «старый город гузов»⁸.

Махмуд Кашгарский называет огузские города Сауран, Карачук, Сыгнак, Сюткент, Карнак⁹. Он же пишет, что «Вид гузов, который живет в их городах, не переезжает в другие места и не воюет, называется ятук»¹⁰. В низовьях Сырдарьи огузам принадлежали города Джена, Янгикент, Хора¹¹. Группа огузских племен обитала между Фарабом и Кенджидай, часть огузов проживала в пределах Шаша и Испиджаба. Ал-Макдиси сообщает о туркменах окрестностей Берукета и Баладжа¹².

Есть и другие сведения, которые сообщают о том, что огузы вообще не имеют городов. Так, в сочинении анонимного автора «Худуд ал-Алам» сказано: «Гузы не имеют ни одного города, но народ, имеющий войлочные юрты, весьма многочислен»¹³.

В.В. Бартольд, пытаясь примирить эти противоречивые сведения, считал, что «гузские города» были основаны не самими огузами, которые были кочевниками, а другими народами, в том числе хорезмийцами, но в них селилась и обитала часть огузов, перешедшая к оседлости¹⁴. Более конкретно по этому вопросу высказывался С.П. Толстов, который считал, что хозяйство племен Приаралья, в том числе и огузов, было комплексным и наряду с кочевничеством у них развивались земледелие, оседлость и городская жизнь¹⁵. Эта точка зрения получила признание у ряда исследователей.

По мнению К.М. Байпакова, «города огузов» воз-

The book also mentions such towns as Ruzan, Rudan and Garbian and 'the ancient town of the Oghuz'⁸.

Mahmud al-Kashgari names such Oghuz towns as Sauran, Karachuk, Sygnak, Syutkent and Karnak⁹. He maintains that 'the group of Oghuz, living in these towns, which does not move to other towns and which does not fight, is called Yatuk'¹⁰. In the lower reaches of the Syr Darya, the Oghuz tribes were living in towns of Djent, Yangikent and Khorā¹¹. The group of Oghuz tribes also lived between Farab and Kendzhida. The part of Oghuz tribes lived near Shash and Isfidjab. Al-Maksidi tells his readers about the Turkmen tribes living in Beruket and Baladzh¹².

There are some other indications that the Oghuz never lived in towns at all. Thus, in the essays of the anonymous author of Khudud al-Alam it is written that the 'Oghuz tribes do not own towns, but they are a people which has felted yurts and is quite numerous'¹³.

Trying to reconcile such controversial data, Vladimir Bartold maintained that Oghuz towns had been founded not by the Oghuz, who were mainly nomads but by other peoples, including the Khoresmians and then also inhabited by the part of the Oghuz who settled there¹⁴. Sergey Tolstov was more specific about this issue. He believed that the economy of the tribes of the Ural region, including Oghuz tribes, was complex and together with nomadic lifestyle, they were developing agriculture and urban life¹⁵. This point of view shared by several other researchers.

Karl Baipakov assumes that 'Oghuz towns' emerged and developed before the Oghuz and Turkmen tribes arrived there and it is only possible to talk about the Oghuz period of existence of these towns and the time when these tribes ruled these towns and some of these tribes turned to sedentary way of life and settled in the towns¹⁶.

Towns of Oghuz in the Aral region. Describing the Oghuz tribes, the Kitab Rujar talks about Old and New Ghuzia. Al-Idrisi wrote that the distance between Khiyam and Old Ghuzia is four days' journey from the South to the West. Old Ghuzia is located in the area limited by the Western branches of the Tian Shan, the Shu river and the Syr Darya Karatau. It is believed that the term Old Ghuzia refers to the old capital 'town' of the Oghuz tribes. It is obvious that it was the one of the first residencies of the Oghuz rulers.

Idrisi also mentions New Ghuzia while describing lower reaches of the Shash river (Syr-Darya). New Ghuzia, being the political centre of the Oghuz tribes, was the winter residence of a ruler. New Ghuzia is the name given to the town of Yangikent, which was located in the lower reaches of the Syr Darya river. Persian and Arab sources

ники и развивались задолго до прихода в эти места собственно огузов и туркмен и можно говорить лишь об огузском периоде в их существовании, о том времени, когда огузы владовали здесь в политическом отношении, а часть их перешла к оседлости и поселилась в городах¹⁶.

Города огузов в Приаралье. В «Китаб Руджар» при описании страны огузов говорится о Старой и Новой Гузии. «Между Хийямом и Старой Гузией, - пишет Идриси, - (расстояние) в четыре дня пути между югом и западом». Старая Гузия локализуется в районе, ограниченном западными отрогами Тянь-Шаня, рекой Шу и Сырдарьинскими Каратау. Названием Старая Гузия обозначалась, несомненно, прежняя «столица» огузских племен. Очевидно, это была одна из первых резиденций огузских вождей.

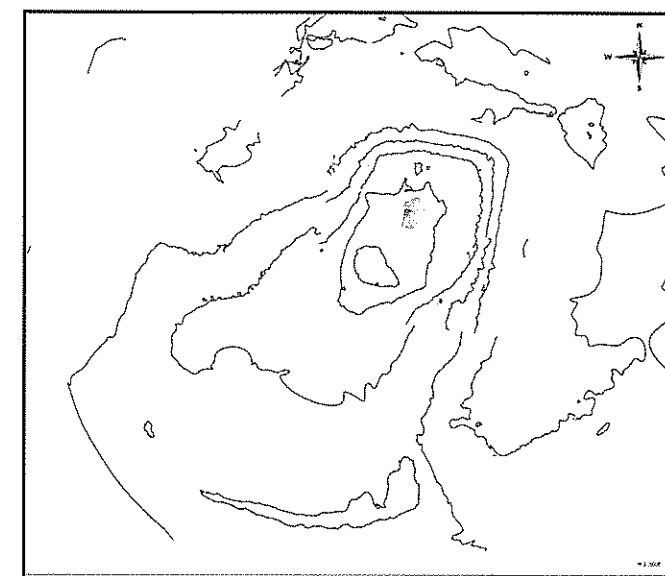
Идриси упоминает и Новую Гузию при описании нижнего течения реки Шаша (Сырдарья). В Новой Гузии – политическом центре огузского государства – жил зимой их «царь». Новой Гузией именовался город Янгикент, располагавшийся в нижнем течении реки Сырдарьи. Другие названия города в арабских и персидских источниках Яныкент, Новый город, ал-Карьят ал-Хадиса, Дих-и Нау, Шехркент. Возникновение этих названий, скорее всего, связано с захватом огузами политической гегемонии в присырдарьинских степях. От Янгикента до Хорезма насчитывалось 10 дней пути, до Фараба 20 дней. Из Мавераннахра в Янгикент по Сырдарье привозили хлеб.

В средневековых арабоязычных источниках одно из первых упоминаний о Янгикенте содержится в труде Ибн Руста. Описывая восточное побережье Хорезмского озера, он говорит о «царе» Нового Селения.

Интересные сведения о Янгикенте приводит Ибн Хаукаль. В своем историко-географическом труде он прямо указывает, что Новое Селение – это столица огузского государства. Янгикент, по его словам, был самым крупным поселением в низовьях Сырдарьи¹⁷.

Выбор Новой Гузии в качестве политического центра огузской державы был обусловлен многими обстоятельствами: это и выгодное географическое расположение Янгикента на стыке с крупными земледельческими оазисами Казахстана и Средней Азии, и то, что Новая Гузия служила коридором, соединявшим огузские степи с Хорезмом, Мавераннахром и Хорасаном. Янгикент лежал на важном караванном пути через кимакские степи в долину Сарысу, Кенгира, Ишима и Нуры. Дорога соединялась с торговыми путями, ведущими в Сыгнак и на Южный Урал.

Как известно из письменных источников, города

Городище Кескен Куюккала. Топоплан.

Kesken Kuyukkala ancient city. Topography plan.

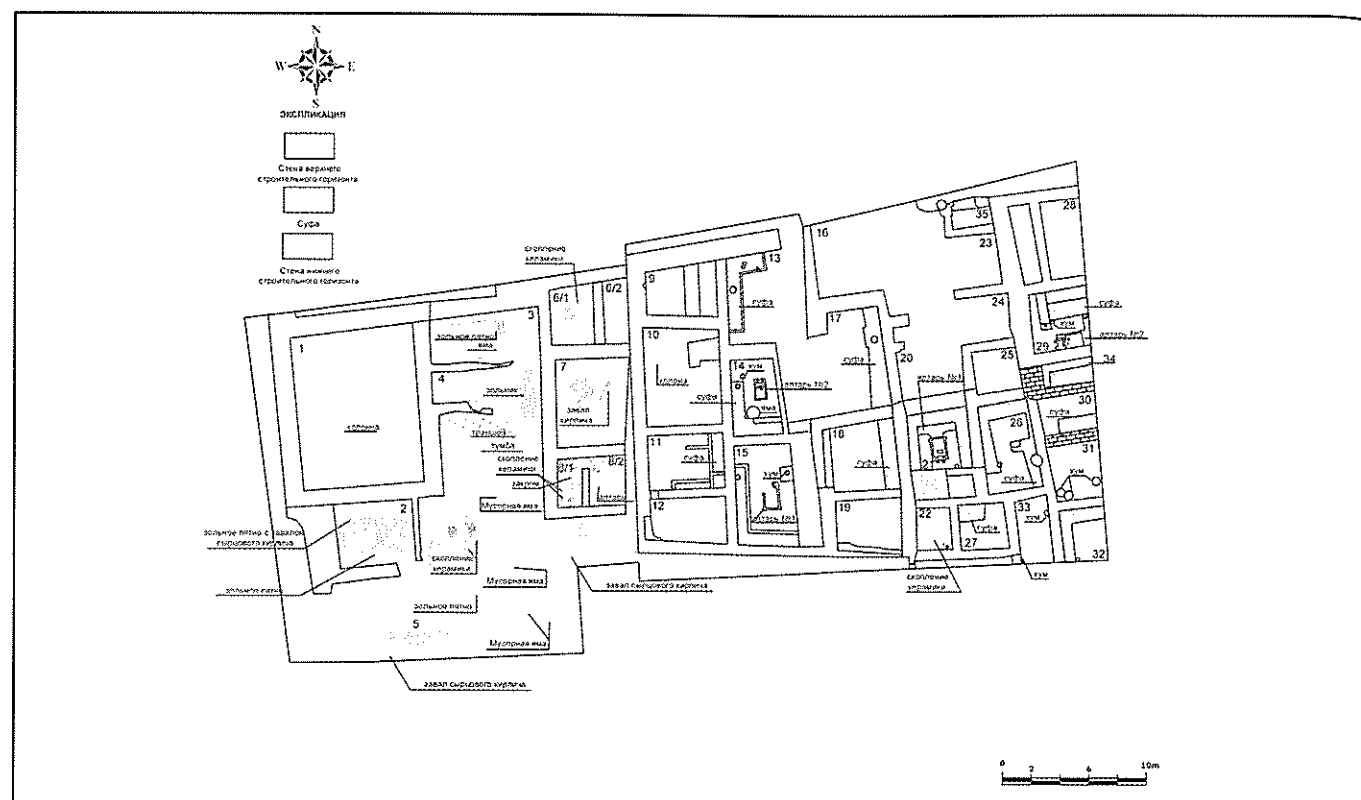
also call Yangikent the New Town, al-Karyat, Al-Hadisa, Dih-i-Nau and Shehrkent. The genesis of these names is probably connected with the fact that the Oghuz tribes established political hegemony in the Syr Darya steppes. The distance between Yangikent and Khoresm was a 10 days' journey and between Yangikent and Farab, a 20 days' journey. Yangikent imported bread from Transoxiana (Maverannahr) along the Syr Darya.

One of the first mentions of Yangikent in the Arab sources can be seen in Ibn Rustah's works. Describing the eastern bank of the Khoresm lake, he mentions 'the ruler' of the New Village.

Ibn Hawqal presents very interesting facts about Yangikent. In his historical and geographic work he holds that the New Village is the new capital town of the Oghuz state. According to him, Yangikent was the largest town in the lower reaches of Syr Darya¹⁷.

The choice of the New Ghuzia as the political centre of the Oghuz power was presupposed by such events as beneficial geographic location of Yangikent at the border with large agricultural centres and oases of Kazakhstan and Central Asia and the fact that New Ghuzia was the corridor, which linked the Oghuz steppes with Khoresm, Transoxiana, and Khorasan. Yangikent was situated at the important caravan route through the Kimak steppes to the valley of Sarysu, Kengir, Ishim and Nura. The road linked with trade routes leading to Sygnak and South Ural.

According to the written sources, Yangikent was conquered by the Mongol army led by Jochi. Unlike Sygnak, Anshas and Barchkent, whose residents tried to resist to

Городище Кескен Куюккала. План раскопа.

Kesken Kuyukkala ancient city. Plan of excavations.

Янгикент был взят монгольским отрядом, руководимым Джучи. В отличие от Сыгнака, Ашнаса, Барчкента, жители которых оказали монголам сопротивление и были разрушены, Янгикент был сдан его населением без боя и избежал погромов¹⁸.

Как известно по письменным источникам, недалеко от Янгикента находился город Хувара (Джувара, Хора). Если локализация Янгикента не вызывает сомнения, то вопрос об отождествлении Хувара (Джувара, Хоры) не решается однозначно. В свое время К.М.Байпаков предположительно помещал ее вблизи мавзолея Хоркут-Ата¹⁹. Сейчас, однако, мнение изменилось – этот город соответствует одному из «болотных» городищ: Кескен Куюккале, либо Куюккале, скорее первому²⁰. Это остатки крупного города со сложной топографией и большим количеством подъемного материала, который позволяет определить время его жизни с первых веков н.э. до XI в. н.э.²¹

Кстати, город Хувара под названием Хаврана упоминается в последней четверти IV в. Аммианом Марцелином на Нижней Сырдарье вместе с городом Аспабота и Спага²².

С.П. Толстов утверждал, что «болотные» городища существовали со времен античности, по меньшей мере, до X-XII столетия.

Mongol army and were destroyed, Yangikent was surrendered by its citizens without fight and thereby avoided demolition and violence¹⁸.

According to the written sources, there was the town of Khuvara (Dzhuvara, Khora) located near Yangikent. If there is a clear indication about the precise location of Yangikent, there are some difficulties and controversies related to the attempts at defining the location of Khuvara (Dzhuvara, Khora). Some time ago Karl Baipakov apparently maintained that it had been situated near the Korkut Ata mausoleum¹⁹. However, by now his opinion has changed – this town corresponds to one of the 'marsh settlements', either Kesken Kyukkala, or Kyukkala, more likely the former²⁰. These are remains of a large town with the complex topography, great amount of material, which shows that the town existed in the period from the 1st century AD until the 11th century AD²¹.

Interestingly, Ammianus Marcellinus mentioned the town of Khuvara as the town of Khavrana in the late 4th century. Additionally, he talks about towns of Aspabota and Spaga, situated at the Lower Syr Darya²².

Sergey Tolstov believed that marsh towns existed since the ancient time until 10th-12th centuries.

The overwhelming majority of ceramic items found there is rough and thick, made without potter's wheel

и unevenly baked. The ceramic is of reddish, yellow and dark colours and its surface is covered with rich ornament. The entire collection of ceramic items can be subdivided into two main typological groups. The fragments involve mouths with bent and flattened edge at the top, surrounded by a lip, decorated with herringbone, vertical oval and linear stamp mark and bundles. There are also poorly baked vessels, such as pots and bowls, decorated with rich ornament. The ornament is presented by the lavish curved spiral and floral design with segments of coil and leaf patterns are dominant.

Выход, который сделал исследователь: «болотные» города, расположенные в низовьях Сырдарьи, возникают в первые века н.э. и основаны местным населением. На формирование городской культуры оказали влияние джетыясарская культура и Хорезм.

В X-XII вв. эти города становятся огузскими и составляют как бы оседлый и урбанизированный компонент в смешанной скотоводческо-земледельческой и рыболовной экономике древнетюркских племен, создавших своеобразную, в том числе и городскую культуру²³.

Интересны выводы Л.М. Левиной, проанализировавшей комплекс керамики и металлических изделий Кескен Куюккалы, Большой Куюккалы и Джанкента, причем не только подъемный, но и полученный из небольших раскопов.

Основная масса керамики изготовлена без применения гончарного круга из плохо отмученной и промышленной глины, чрезвычайно неравномерного обжига. По качеству глины и характеру обжига подавляющее большинство сосудов для хранения и переноски воды, зерна и часть так называемых «столовых», почти невозможно отличить от «кухонных».

Часто по венчику нанесен прорезной и вдавленный орнамент в виде ряда прямых или косых насечек, ямочных вдавлений, рядов параллельных зигзагообразных насечек, горизонтальных или вертикальных елочек, симметричных подтреугольных или подпрямоугольных наделов. Такие венчики, как и форма и даже отделка в виде сероватого или коричневатого ангоба и лощения, с рядами косых или прямых насечек на поверхности, ямочных вдавлений, симметрично расположенных наделов, характерны для джетыясарской керамики, начиная с этапа Джетыясар II. Узоры по венчику в виде зигзагообразной линии, горизонтальных рядов

and unevenly baked. The ceramic is of reddish, yellow and dark colours and its surface is covered with rich ornament. The entire collection of ceramic items can be subdivided into two main typological groups. The fragments involve mouths with bent and flattened edge at the top, surrounded by a lip, decorated with herringbone, vertical oval and linear stamp mark and bundles. There are also poorly baked vessels, such as pots and bowls, decorated with rich ornament. The ornament is presented by the lavish curved spiral and floral design with segments of coil and leaf patterns are dominant.

The researcher came to a conclusion that the 'marsh towns', which are situated in lower reaches of the Syr Darya, appeared in the first centuries AD and were created by local population. Khoresm and the Dzhetysayar culture influenced the establishment of the urban culture.

In the 10-12th centuries these towns are gradually becoming Oghuz towns and constitute the urban component in the mixed cattle breeding-agricultural and fishing economy of ancient Turkic tribes, who created a unique form of urban culture²³.

L.M. Levina, who analysed the complex of ceramic and metal items of Kesken Kuyukkala, Large Kuyukkala and Jankent, received from excavations, came to some interesting conclusions.

The majority of ceramic items are created without the use of the potter's wheel, of poorly mixed and precipitated clay of uneven firing. Based on the quality and the character of firing, the majority of vessels for storage and transportation of water and grain and a part of so-called 'table' ceramics is difficult to distinguish from the 'kitchen' ceramics.

Usually, the mouth is decorated with curved and intended pattern forming straight and miter incisions, parallel rows and zigzag cuts, horizontal and vertical herringbones as well as symmetric sub-triangle and sub-square sticks. Such mouths, their form and decoration with grey or brownish engobe and polishing, with miter and straight incisions on the surface, impressions and symmetric sticks are peculiar for the Dzhetysayar ceramic beginning from the Dzhetysayar-2 stage. The patterns at the mouth placed along a zigzag line, horizontal herringbone and sticks with incisions are peculiar to the monuments of the Dzhetysayar-3 stage.

Usually, such moulded roller with incisions is combined with cut-in herringbone ornament over the mouth or below it. In general, various combinations of vertical and horizontal herringbone ornaments at the small, sub-triangle in cross-section, mouth and below are peculiar for the ceramics of the Kesken-Kuyukkala complex. These

елочек и налепов с насечками по ним встречались на памятниках этапа Джетыясар III.

Нередко такой налепной валик с насечками сочетается с прорезным елочным орнаментом по венчику или под ним. Вообще различные сочетания вертикальных и горизонтальных рядов елочного орнамента на сравнительно небольших подтреугольных в сечении венчиках и под ними чрезвычайно характерны для керамики кескен-куюккалинского комплекса. Часто такие сосуды имеют налепы-выступы на венчиках, а на тулове (ниже покатых плечиков) – сплошные ряды вдавленных ямок или же чаще всего очень богатый и разнообразный прорезной растительный орнамент в виде различного сочетания волнистых линий, листьев, лепестков. Иногда эти узоры заштрихованы параллельными линиями, клеткой, заполнены насечками, вдавлениями. Такой орнамент – на сосудах с раздутым туловом и кувшинах со сливом.

На городище Кескен Куюккала найдены и невысокие усеченно-конической формы кружки. Встречены и цилиндрические кружки, покрытые густым ярко-красным ангобом и лощением и тождественные найденным на джетыясарских городищах.

В керамическом комплексе Кескен Куюккалы встречены фрагменты станковой работы достарханов (диаметром до 35 см), красноглиняных, покрытых красноватым ангобом. Часть из них без орнамента, у других – пальцевые вдавления по внутренней стороне края и налепной валик с защипами по нижней части его наружной стороны. Абсолютное большинство крышек по внутренней и внешней сторонам покрыто богатым резным растительным, а иногда и геометрическим орнаментом, другие же имели упоры-выступы. Аналогичные крышки с таким же орнаментом особенно характерны для памятников Семиречья VII-X вв. Есть они и в районах Средней Сырдарьи на городищах Отрарского оазиса и предгорий Каратау VIII-X вв. Такие же крышки встречены на соседней территории на памятниках этапа Джетыясар III. Необходимо отметить также своеобразные курильницы или светильники, встреченные на «болотных» городищах Кескен-Куюккала и Куюккала. По форме, качеству и размерам они повторяют известные по материалам «Большого дома» Джетыясара №3 светильники с открытым резервуаром-чашечкой, закопченной внутри, на толстой конической ножке.

Курильницы орнаментированы насечками и вдавлениями, сделанными концом палочки до обжига. Подобные светильники на высоком поддоне с резервуаром-чашечкой (иногда с фестонами по краю) наверху и

vessels usually have moulded relief at mouths and the body (below slanting shoulders) has continuous series of pits or very rich and diverse cut-in floral ornament depicting various combinations of lines, leaves and petals. Sometimes these patterns are shaded with parallel lines, panes, impressions and notches. Such ornament is peculiar to vessels with bloated body and jugs with a spout.

Archaeologists have found truncated conical cups at the excavations of the Kesken Kuyukkala ancient town. There were also cylindrical cups, covered with light red engobe and polishing similar to those founded at some Dzhetyasar ancient towns.

During excavations of the Kesken Kuyukkala complex, archaeologists have also found a fragment of mounted table (35 cm in diameter), made of red clay and covered with reddish engobe. Some of these fragments do not have any decoration at all and others are decorated with finger marks from its inner side and a moulded roller with pin-tucks from outside. The majority of covers are decorated with rich cut-in floral or geometric ornaments and others had rest-protuberance. Such covers with the ornament mentioned above are peculiar to monuments of the Zhetysu of the 7-10th centuries. It is possible to find such covers in Middle Syr Darya at excavations of ancient towns of Otrar and Karatau foothills of the 8-10th centuries. These covers are also peculiar to the monuments of the Dzhetyasar-3 stage. It's worth noting the unique character of cassolletes and lamps, which were found at marsh towns of Kesken Kuyukkala and Kuyukkala. Their form, character and size are similar to those, mentioned in the archaeological reports of the 'Big House' of the Dzhetyasar-3 period. There are lamps with opened tank-cup, blackened inside and with thick cone support.

Cassolletes are decorated with miters and impressions made with the help of a stick for firing. Similar lamps with a high pallet and a tank-cup at the top (sometimes decorated with scallops of its edge) have three supports and are often decorated with cut-in herringbone incisions.

During the excavations of the Kesken Kuyukkala ancient town, archaeologists collected Turgesh, Tan, Buhar-Hudat coins, plaques, toppers and clasps. It means that the culture of marsh towns is based in the Dzhetyasar culture, which was influenced by the culture of Zhetysu, the Middle Syr Darya and Khoresm²⁴.

New materials about the Oghuz marsh towns were obtained from the excavations of the Jankent ancient town, conducted by researchers from the Margulan Institute of Archaeology (Ministry of Education of the Republic of Kazakhstan), the Korkut-Ata Kyzylorda State University and the Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and

иногда дополнительно на трех ножках часто украшены прорезным геометрическим елочным орнаментом на ножке.

На городище Кескен Куюккала были собраны монеты: тюркешские, танские, бухар-худатов; бляшки, наконечники и пряжки поясных наборов. Таким образом, в основе культуры «болотных» городищ лежит джетыясарская культура, на которую оказали влияние культуры Семиречья, Средней Сырдарьи и Хорезма²⁴.

Новые материалы о «болотных» городах огузов были получены в итоге широких раскопок городища Джанкент, проведенных исследователями Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, Кызылординского Государственного университета им. Коркут-Ата и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН²⁵.

Верхний горизонт запустения городища представлен многочисленными погребениями, предположительно относящимися к XVII-XIX вв. Второй горизонт развальный, строительные конструкции обозначены лишь в следах. Особенно сильные денудационные процессы отмечаются в центральной части цитадели. Конструкции, расположенные ближе к внешним стенам, имеют лучшую сохранность. Третий горизонт связан с остатками строительных конструкций и улицами. При этом очевидно, что улица существовала на протяжении по крайней мере двух строительных горизонтов, а быть может и более длительный хронологический отрезок времени. Строительные горизонты, по всей вероятности, повторяют друг друга.

Раскапываемый строительный горизонт можно датировать X-XII веками.

В процессе раскопок выявлена улица цитадели и помещения, построенные по обеим сторонам улицы. В помещениях были выявлены очаги прямоугольной и округлой формы, вокруг которых найдены фрагменты керамики, кости домашних животных, изделия из металла. При снятии и расчистке заполнений в помещении 16 был обнаружен развал сосудов, возле которых лежала терракотовая птица.

При раскопках и расчистке помещений обнаружены следы золы и обгоревшего дерева. Среди слоя золы и древесных угольков, покрывавших поверхность суф, обнаружены фрагменты и развалы керамических сосудов, терракотовая курильница светло-коричневого цвета, покрытая речным растительным орнаментом, фрагмент бронзового браслета. В северо-западной части раскопана часть помещения, в центре которого был расположен очаг с вкопанным рядом сосудов.

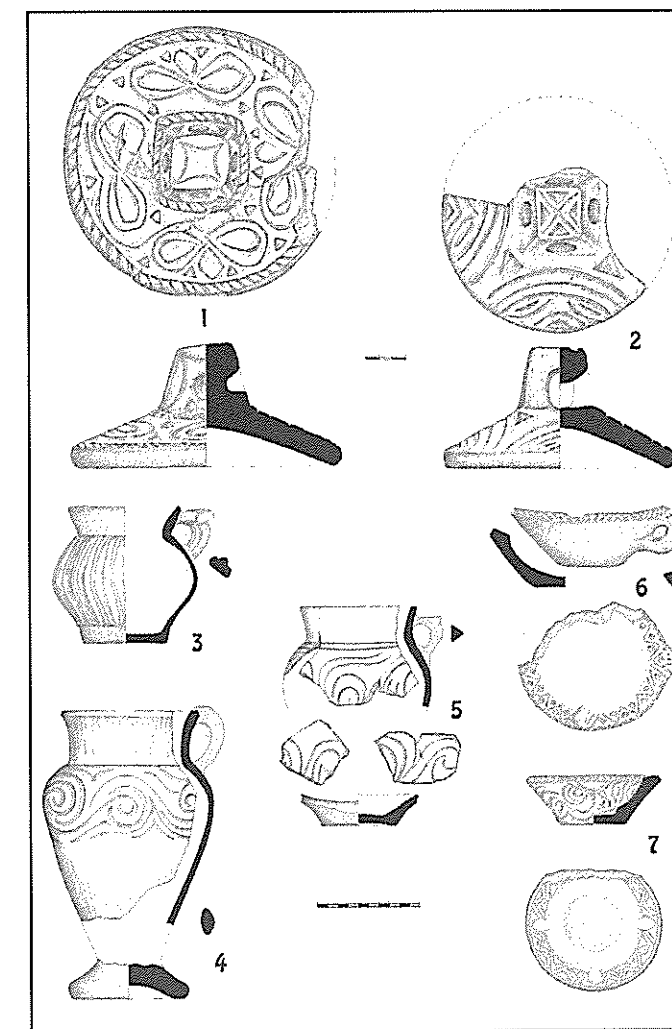
В одном из помещений внутриквартальной за-

Anthropology of Russian Academy of Science²⁵.

The high degree of neglect and desertion of the ancient town is vividly verified by numerous burials, presumably dated back to the 17-19th centuries. The second level has vanished and there are traces of constructions. The central part of the citadel has been subject to intensive denudation processes. The construction situated closer to the outer wall had been preserved better. The third layer contains the remains of buildings and streets. It is obvious that the streets existed there for the duration of at least two construction horizons and even longer. Apparently, construction horizons repeat each other.

The excavated construction horizon may be dated back to the 10-12th centuries.

During the excavations archaeologists identified the street of a citadel and premises built on both sides of the street. At these premises archaeologists found rectangular and round fireplaces, fragments of ceramics, bones of domestic animals and metal items. While removing and

Городище Кескен Куюккала. Керамика.

Kesken Kuyukkala ancient city. Ceramics.

стройки выявлен уникальный керамический алтарь, украшенный протомами баранов, покрытых пышной резьбой. С внешней стороны алтаря зафиксированы обгорелые доски с остатками резного орнамента.

Помещения группируются в отдельные дома. Один из домов занимал площадь 280 кв.м. Всего в площадь раскопа попали остатки 7 домов.

Начиная с 2006 года на городище Куюк Кескенкала работает экспедиция ТОО «Археологическая экспертиза». В результате на городище был собран значительный по объему материал: монеты, керамика, бусы, бронзовые украшения. Топографический план территории городища, изучение космо- и аэрофотоснимков позволили выявить структуру памятника. Планомерные исследования городища начались в 2007 году.

Городище Кескен Куюккала – самое крупное из «болотных» городищ. Городище неправильной овальной формы размером 830x710 м, возвышается на 2 м над окружающей местностью, состоит из шахристана, цитадели и двух рабадов. Городище было окружено внешней стеной, сохранившейся на высоту около 2 м.

В северо-восточном углу городища расположен бутор шахристана размером 210x210 м, поднимающийся на 3 м над общим уровнем городища. Шахристан разделен идущей наискось улицей шириной около 3 м. От нее в разных направлениях и под разными углами отходят кривые переулочки, делящие всю площадь цитадели на разного размера постройки неправильной формы. В юго-западном углу шахристана располагалась цитадель, возвышающаяся на 1 м над уровнем шахристана, размером 60x60 м.

К шахристану с юга, юго-запада и запада примыкает рабад 1, отделенный стеной от рабада 2, расположенного к востоку и юго-востоку от шахристана.

Основным объектом изучения был выбран участок городища размером 21x63 м, расположенный в восточной части шахристана, представлявший собой до начала исследований комплекс, дешифрируемый на аэрофотоснимках по двум перекрещивающимся улицам. На поверхности прослеживались стены помещений, найдено большое количество керамики и костей. Полностью и частично исследовано 37 помещений – большая часть комплекса.

Стратиграфия раскопа представлена двумя слоями.

Первый разрушенный слой представляет собой рыхлый суглинистый грунт серого и коричневого тонов, перемежку с фрагментами битых сырцовых и жженных кирпичей. Толщина слоя неравномерная и колеблется от 5 до 20 см. В слое присутствует зола, древесные угли. Повсюду встречаются кости животных – кухонные

cleaning of fill-ins in the premise №166 archaeologists found vessels and a terra-cotta bird near them.

Additionally, during the excavations and cleaning of premises, the traces of ash and charred wood were found. In the layer of ash and charcoal, they have found fragments of ceramic vessels, covered the surface of sufas, a terra-cotta cassiolette covered with river floral patterns, and a fragment of a bronze bracelet. The premise excavated in the North-Western part of the ancient town has a fireplace with a vessel pitched nearby.

One of the premises of the residential had a unique altar decorated with sheep protoma covered with curving. The outer part of the altar is surrounded by charred planks with remains of a curved ornament.

All premises are grouped in separate households. One of the houses occupied the territory of 280 square metres and the total area of excavation covers seven houses.

The Archaeological Expertise LLC has been working at the excavation of Kuyuk-Keskenkala ancient town since 2006. As the result, the expedition collected huge material, including coins, ceramic, beads and bronze jewellery. The topographic plan of the territory of the ancient town as well as the study of cosmic and aerial photos of the site allowed scholars to identify the structure of the monument. A regular and systemic exploration of the ancient town began in 2007.

The Kesken Kuyuk-kala is the largest of all 'marsh' towns. The ancient town, which represents irregular oval 830 x 710m in size, rises 2m above the surrounding terrain and consists of a shakhristan, citadel and two rabads. The ancient town was surrounded by a wall, which preserved the height of about 2 metres.

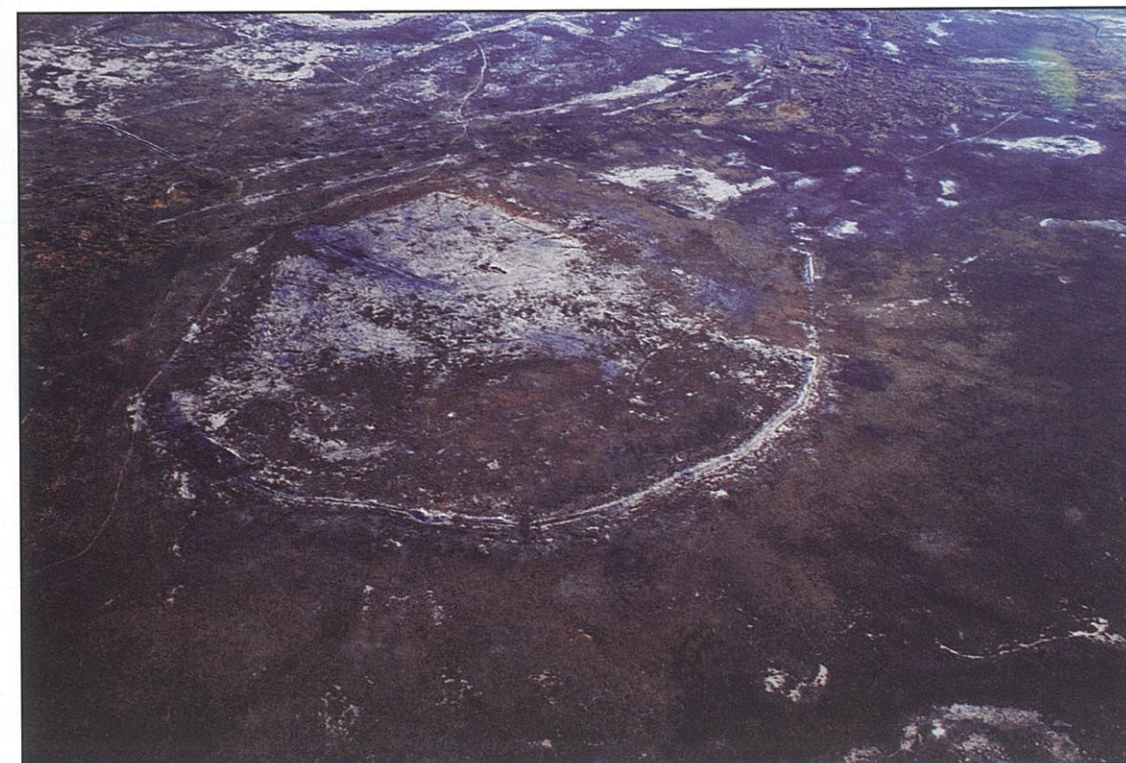
The North-Eastern part of the town has a 210x210 hill of a shakhristan rising 3m above the level of the ancient town. The shakhristan is divided by a 3-metre diagonal street with passed going to different directions and dividing the territory of the citadel into buildings of different size. At the southwestern corner of the shakhristan there was a citadel, rising 1m above the shakhristan, its square being 60x60m.

The shakhristan is linked with the first rabad from the South, South-West and West and it is separated from the second rabad by the wall. The second rabad is situated to the East and South-East from the shakhristan.

The plot of land of the ancient town in size of 21x63m was chosen as an object of research. This plot of land is situated in the Eastern part of the shakhristan and features the researched complex, decoded at aerial photos with the help of two intersecting streets. The surface of the plot of land has traces of walls of premises and there are

Городище Джанкент – аэрофото.
Jankent ancient city. Aerial photo.

Городище Кескен Куюккала. Аэрофото.
Kesken Kuyukkala ancient city. Aerial photo.

Городище Кескен Куюккала. Фото помещения с алтарем.
Kesken Kuyukkala ancient city. Photo of a house with an altar.

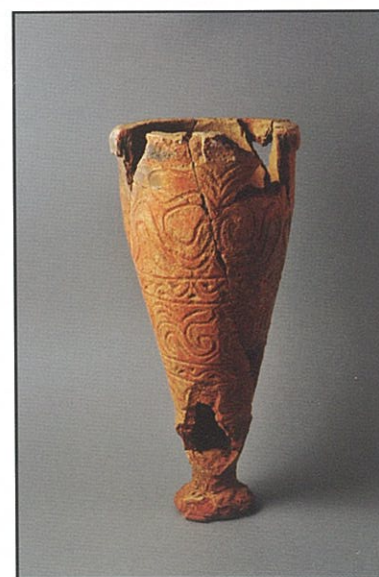
Городище Кескен Куюккала. Керамическая алтарная протома
Kesken Kuyukkala ancient city. Ceramic altar protoma.

Городище Джанкент.
Керамическая курильница в виде птицы
Jankent ancient city.
Ceramic cassiolette in the form of a bird (photo).

Городище Кескен Куюккала. Бронзовые изделия.
Kesken Kuyukkala ancient city. Bronze articles.

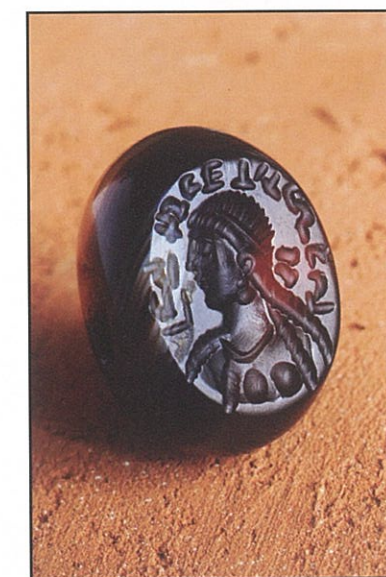
Городище Джанкент. Керамический кубок.
Jankent ancient city. Ceramic goblet.

Городище Кескен Куюккала.
Керамические курильницы в виде сапожка
Kesken Kuyukkala ancient city
Ceramic cassiolettes in the form of boots.

Городище Кескен Куюккала. Бронзовые изделия.
Kesken Kuyukkala ancient city. Bronze articles.

Городище Кескен Куюккала. Гемма.
Kesken Kuyukkala ancient city. Gem.

Городище Кескен Куюккала. Серебряные монеты
Kesken Kuyukkala ancient city. Silver coins.

Городище Кескен Куюккала. Бусы.
Kesken Kuyukkala ancient city. Beads.

остатки, а также крупные и мелкие фрагменты лепной и станковой керамики. Слой постоянно размывается и выветривается.

Второй слой содержит остатки помещений и конструкций, построенных из сырцовых кирпичей прямоугольной и квадратной формы. Исследуемый слой характерен завалом сырцовых кирпичей от упавших стен, перекрывших собой площадь помещений. При расчистке поверхности пола и в завале кирпичей во всех помещениях раскопа прослеживается слой золы серого и коричнево-черного цвета или мелких древесных углей вперемежку с битыми сырцовыми кирпичами. В слоях золы повсеместно прослеживаются кости домашних животных, встречаются фрагменты лепной и станковой красноглиняной и сероглиняной керамики.

Северо-западный угол комплекса занимает «храмовое» помещение прямоугольной формы, вытянутое по линии север-юг, размером 11,3х8,5 м общей площадью 100 кв.м. Его перекрытие покоилось на квадратных в сечении колоннах из сырцового кирпича, размерами 29х29х6 см, базы которых были выявлены в ходе расчистки помещения.

В помещении 6 размером 6х4,2 м, состоящем из двух комнат размером 1,8х4,17 м и 2,1х4,17 м, в комнате 2 на уровне пола были найдены и расчищены керамические сосуды: фрагменты хумчи, лепная керамическая курильница черного цвета в виде сапожка. В комнате 1 при разборке завала под стеной с восточной стороны был обнаружен фрагмент котла. На полу найдена костяная накладка от лука из трубчатой кости крупного животного. Накладка снизу широкая, плавно сужается, в верхней части она изгибается. Наверху сделана резьба в виде небольших выступов для крепления тетивы. В центре и снизу накладки просверлены четыре отверстия для крепления. Внешняя поверхность отполирована и заглажена. Размеры накладки: длина – 21 см, ширина в нижней части 5 см, ширина верхней части – 1,8 см. Здесь же найден железный трехгранный черешковый наконечник стрелы длиной 6,3 см, размер пера 3,4х1,7 см, черешка – 2,9х0,8 см.

Интересны помещения с алтарями на полу. Их особенности – наличие двух наклепных столбиков с протомами стилизованных баранов.

Так, в помещении 15 прямоугольном в плане, размером 7,2х5,8 м расчищена П-образная суфа устроенная вдоль стен с западной, восточной и южной сторон. Ширина суфы 1,08 м, высота от пола – 0,55 м. Суфы, расположенные вдоль северной и южной стен, имеют следующие размеры: длина – 2,8 м, ширина лежанок разная, высота 0,55-0,57 м. В западной части на суфе

a lot of ceramics and bones. Archaeologists have partly or completely explored 37 premises, which is the larger part of the complex.

The stratigraphy of the excavation is represented by two layers:

The first is the destroyed layer of loose loamy grey and brown soil, interspersed with fragments of broken and burnt adobe bricks. The layer thickness is uneven and varies from 5 to 20 cm. The layer has traces of ash and charcoal. There are a lot of bones of animals, fragments of kitchen implements as well as large and small fragments of moulded and mounted ceramics. The layer was subject to constant erosion by wind and water.

The second layer has the remains of buildings and constructions made of rectangular and square adobe bricks. The investigated layer is characterised by the obstruction of adobe bricks of fallen walls, which covered the area of the premises. In the process of cleaning of the surface of the floor and the pile of bricks, the layer of grey and brown and black ash, small particles of charcoal mixed with crashed adobe bricks was found in all the rooms of the site. Layers of ash contain the bones of domestic animals and the fragments of moulded and mounted ceramics made of red and grey clay.

The North-West part of the complex has a rectangular 'templar' room, stretched from the North to the South and 11.3x8.5 m in size. The temple occupies the area of 100 square metres. The vault of the temple rested on columns, rectangular in cross-section and made of adobe bricks. The columns were 29x29x6 cm in size and their bases have been found while cleaning the premise.

Room 6, 6x4.2 metres in size, consisted of 2 rooms, one 1.8x4.17 m and another 2.1x4.17 metres. In the room 2 archaeologists found and cleaned a number of ceramic vessels, including fragments of a pot, moulded black ceramic cassiolette, which reminds a toe in its shape. During cleaning of an obstruction in the room 1, researchers found a fragment of a pan under the wall from the eastern side. At the floor they have found a bone plate of a bow made of a long bone of a large animal. The cover plate is wide in its bottom and gently tapers to the top and then bends. The top of the cover plate is decorated with a curving, which reminds small protrusions to attach strings. The centre of the cover plate has four holed for attaching strings. The outer surface is both polished and smoothed. The length of the cover plate is 21 cm, the lower part is 5 cm in width and the upper part is 1.8 cm in width. There is also an iron triangular stemmed arrowhead, which is 6.3 cm in length. The size of the top of the bow is 3.4x1.7 and the size of the stem of the bow is 2.9x0.8 cm.

расчищена хумча, впущенная в суфу, стоявшая у края суфы. Хумча была вмонтирована в суфу и была заполнена золой, пеплом и мелкими древесными угольками. По всей видимости, сосуд использовался как накопитель золы и пепла или как курильница.

На полу помещения был расчищен алтарь – прямоугольная глиняная площадка, ограниченная бортиками, верхняя часть которых слегка отогнута наружу. Площадка алтаря покрыта слоем золы серого и черного цвета, под золой прокаленное пятно красноватого цвета. Размеры алтаря 1,1x0,8-0,85 м, ширина бортиков 0,1-0,14 м, высота – 0,08 м. В западной части алтаря находились два фрагмента протомов стоящих баранов. Верхняя часть их была разрушена.

В помещении 21 в центре был расчищен алтарь с декоративным напольным покрытием, изображающим стилизованное изображение головы и рогов барана. Алтарь располагался на плотном сырцовом полу помещения между П-образной суфой и южной стеной помещения. Алтарь представляет собой площадку из серого суглинка подпрямоугольной формы, оформленную по периметру бортиками. Толщина обмазки составляла 2,5 см. На поверхности прослеживается слой золы и пятно прокала светло-коричневого цвета. В центре алтаря была обнаружена керамическая кружка с вертикальной петлевиной ручкой.

Следует отметить большое помещение 29 с алтарем. У северной стены помещения располагается борт сырцовой суфы из сырцовых кирпичей. Край борта покрыт глиняной штукатуркой. Борт суфы примыкал к стене раннего строительного горизонта. Стена была частично разрушена и разобрана. Стена и суфа торцом примыкают к разделительной стенке с нишами. В южной части помещения была расчищена стена позднего строительного периода, которая была построена на завале из сырцовых кирпичей. Завал кирпичей и стена, возведенная на завале, перекрыли собой южный борт напольного алтаря. Стена позднего строительного периода отделяет территорию алтаря от помещения 34, в котором находится суфа. Помещение 34 до перестройки являлось частью помещения с алтарем.

В центре помещения 29 зафиксирован напольный алтарь. Площадь помещения вокруг алтаря была покрыта слоем золы и мелких древесных угольков, а также обломками сырцовых кирпичей. Пол помещения, на котором расположен алтарь, частично поврежден упавшими внутрь стенами.

Алтарь представляет собой площадку подпрямоугольной формы, ограниченную по краям прямыми бортиками, слепленными как единое целое из хорошо

The premises with altars on the floor are very interesting, since they have two moulded columns with protomas decorated with sheep heads.

For example, in Room 15, which is rectangular in its shape and is 7.2x5.8 m in size, researchers cleaned the U-shaped sufa, which goes along the walls from Western, Eastern and Southern sides. The sufa is 1.08 m in size and its height from the floor is 0.55 m. The sufes, situated along the Northern and Southern parts are 2.8 m in height and the width of benches varies from 0.55 to 0.57 metres. At the Western part they have cleaned the vessel let-in the sufa and standing at the edge of this sufa. The vessel was mounted in the sufa. The vessel was filled with ash and small wood charcoal pieces. Apparently, the vessel was used for the storage of ash or as a cassolette.

At the floor of the premise archaeologists cleaned the altar, which features a rectangular clay area, limited by ledges, the upper part of which are bent outwards. The area of the altar is covered with grey and black ash and there is a red burnt spot covered with this ash. The altar is 1.1x0.8-0.85 m in size, the width of ledges is 0.1-0.4 m and they are 0.08 m in height. There were two fragments of sheep protomas at the Western part of the altar. Their upper part was destroyed.

In the centre of Room 21 archaeologists cleaned the altar with decorative floor covering, which depicts the head and horns of a sheep. The altar was located on the dense adobe floor between U-shaped sufa and the southern wall of the premise. The altar features an area made of grey sub-rectangular loan, decorated with ledges placed over the perimeter. The coating is 2.5 cm in width. Its surface is covered with the layer of ash and a calcined light brown spot. At the centre of the altar researchers found a ceramic cup with a vertical loop-shaped handle.

The large Room 29 with the altar needs special attention. The northern wall of this room has the ledge of the sufa made of adobe bricks. Its edge is covered with the mud plaster. The ledge of the sufa was connected with the wall of the earlier construction level. The wall was partly destroyed and dismantled. The face of the wall and the sufa are connected with the partition wall with niches. At the southern part of the room archaeologists cleaned the wall dated to the late construction period, which was built on the rubble of bricks. The bloc of bricks and the wall built on this bloc, covered the southern side of the floor altar. The wall of the latest construction period separates the territory of the altar from Room 34, which has a sufa. Before reconstruction, Room 34 was part of the premise with the altar.

The centre of Room 29 had a floor altar. The area of

отмученной глины. По краям бортиков прослеживаются плечики.

Внутренняя часть алтаря представляла собой ровную поверхность, обмазанную раствором глины толщиной 2,5 см. Внутри алтаря находился слой золы и прокаленное пятно светло-коричневого цвета. В центре алтаря была найдена керамическая кружка с вертикальной петлевиной ручкой.

В западной части алтаря на площадке стояла одна протома барана, вылепленная из плотной глиняной массы. Протома имеет форму перевернутой усеченной пирамиды. Высота протомы 40 см, ширина 28-33 см, толщина 21 см.

Все строения комплекса можно разделить на 2 типа: комнаты и помещения.

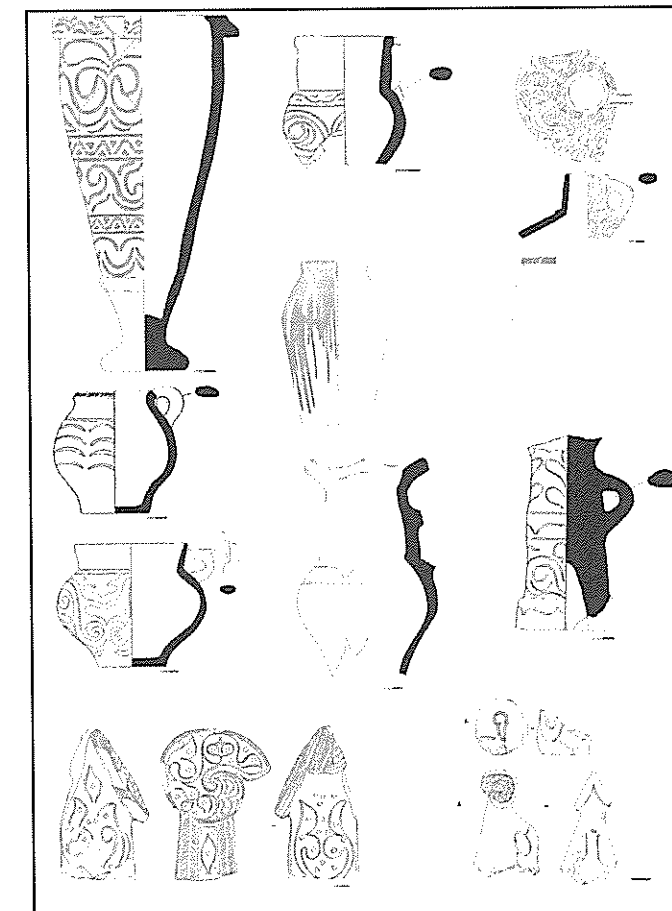
Перекрытие помещений комплекса, видимо, было плоским, опиралось на стены, а в больших помещениях поддерживалось с помощью сырцовых или деревянных колонн. Перекрытие застилалось камышовой кровлей, остатки которого фиксируются на полу, а стены тщательно оштукатуривались глиняной обмазкой. В большинстве помещений сохранилась глиняная обмазка полов из влагостойких глин²⁶. В некоторых помещениях отмечаются скопления керамики.

В центре 6-ти помещений на полах располагались алтари.

В целом, можно обозначить основные характеристики, присущие комнатам с алтарями: наличие суф (4 помещения), наличие сосудов или хумов (в 4-х помещениях), ориентировка алтарей по сторонам света (2 – запад-восток, 4 – север-юг).

Напольные сырцовые алтари выполнены методом формовки из хорошо промешанной глины. Устройство алтарей во многом сходно: прямоугольная форма, бортики алтарей с плечиками или без, сооружались методом формовки из хорошо промешанной глины. В верхней части алтаря располагались вертикальные протомы барана. Украшены протомы растительным орнаментом, сходным с орнаментом керамических сосудов, найденных в раскопе. Протомы стояли на трапецевидных столбиках, которые также могли быть украшены орнаментом. Внутри возле протом горел огонь, о чем свидетельствуют линзы прокала, пепел и остатки углей. Внутреннее пространство алтаря тщательно обмазывалось глиной. Внутри алтарей находятся небольшие ритуальные сосудики – неорнаментированные кружки. В двух случаях зафиксированы дополнительные детали – фигурные напольные сырцовые выкладки.

Наиболее массовой категорией находок на городище

Городище Кескен Куюккала. Керамика.

Kesken Kuyukkala ancient city. Ceramics

the premise around the altar was covered with ash a small wood charcoal as well as debris adobes. The floor of the room with the altar was partly damaged by the walls, fallen inside.

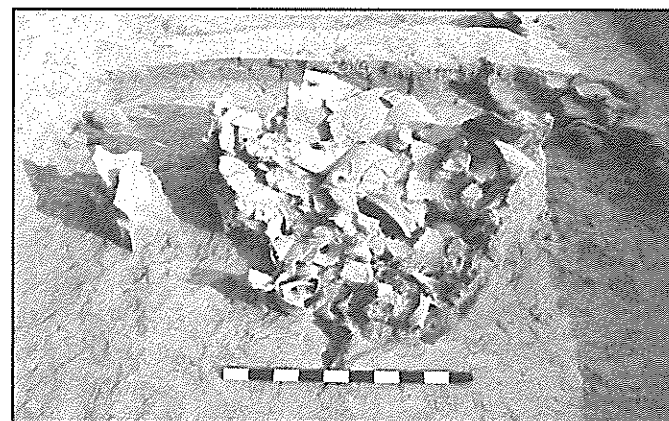
The altar represents a sub-rectangular area, bounded by the straight ledges, moulded together and made of well-precipitated clay. There are shoulders on its edges.

The inner part of the altar looked like a surface coated with the 2.5 thick clay solution. Insides of the altar had a layer of ash and light brown calcined spot. At the centre of the altar was found a ceramic cup with a vertical loop-shaped handle.

The area at the western part of the altar had a sheep protoma, made of dense clay. The protoma has a form of an inverted truncated pyramid, 40 cm in height, 28-33 cm in width and 21 cm in thickness.

All buildings of the complex can be divided into two kinds, rooms and premises.

It is assumed that the ceiling of the complex was flat, rested on the wall and in large premises it was supported by adobe or wooden pillars. The ceiling was covered with the thatched roof with its remains found on the wall, and walls

Городище Кескен Куяккала. Скопление керамики

Kesken Kuyukkala ancient city Ceramics.

Кескен Куяккала является керамикой.

Керамический комплекс подразделяется на две группы: лепная керамика и керамика, изготовленная на гончарном круге.

Лепная посуда изготовлена в основном из красной глины, но также встречаются экземпляры из серой глины. В качестве примесей использовались песок, слюда, шамот, известняк, гипс, кварц. Большая часть посуды сильного обжига.

Лепная посуда представлена горшками, котлами, кружками, хумами, хумчами, крышками и дастарханами.

Посуда украшена резным растительным и геометрическим орнаментом. Встречаются зооморфные стилизованные горловины и ручки. Большая часть керамической коллекции покрыта ангобом красного, красноватого, коричневого, светлого и темного цветов. Отдельные сосуды были залощены.

Посуда, произведенная на гончарном круге, изготовлена из красной глины, хорошо промешанного теста. Встречаются примеси песка и слюды, гипса и шамота. Посуда представлена кувшинами. Они орнаментированы резным растительным и геометрическим орнаментом. Также в качестве украшения встречаются ангобные потеки красного, красноватого, лилово-фиолетового и светлого цвета.

Отдельную категорию керамических изделий составляют пряслица и протомы баранов.

Пряслица дисковидной формы со сквозным отверстием. На некоторых имеется ангобное покрытие и следы затертости от использования. Одно пряслице было изготовлено из стенки хума.

Среди керамического материала необходимо отметить находки двух керамических «сапожков», богато декорированных резным растительным орнаментом. Использовались «сапожки», по видимому, в качестве

were carefully plastered with clay coating. In the majority of premises the waterproof clay coating of floors has been preserved²⁶. Some rooms were full of ceramic fragments.

In the centres of six rooms archaeologists have found altars.

In general, rooms with altar are characterised by the presence of sufas (four rooms), different vessels (four rooms), all altars were oriented to the cardinal points (two of them oriented from the West to the East and four from the North to the South).

The adobe floor altars were made with the help of moulding of well-mixed clay. The construction of the altars was very similar. All of them are rectangular in shape; there were ledges with and without shoulders and all of them were created by moulding of well-mixed clay. The upper part of the altar had vertical sheep protomas, decorated with floral ornament similar to the ornament of the ceramic vessels found during excavations. Protomas were mounted at trapezoidal columns, which were probably decorated with some ornaments. Core lenses, ash and remains of coal prove that there was a fireplace. The interior of the altar was carefully plastered with clay. The inside of the altar has a lot of ritual vessels in the form of not ornamented cups. In two cases there are extra details such as curved adobe lying at the floor.

Ceramic items are one of the most numerous categories of findings at the Kuyuk-kala ancient town.

The ceramic complex is divided into moulded ceramic and ceramic made at the potter's wheel.

The moulded tableware is most often made of red clay but there are also items made of grey clay. The list of admixtures involves sand, mica, chamotte, limestone, quartz and gypsum. The major part of the tableware has been well fired and baked.

The moulded tableware includes pots, cups, kettles, jugs, vessels, covers and tables.

The tableware is decorated with floral and geometric ornament. There are stylised zoomorphic necks and handles. The major part of the ceramic vessels is covered with red, reddish, brown, light and dark engobe. Some vessels have been polished.

All tableware items are made on the potter's wheel of well-mixed red clay. There are mixtures of sand, mica, gypsum and chamotte. Tableware is presented by jugs, which are decorated with curved floral and geometric ornament. Pottery is also decorated with red, light red, violet, purple and light drips.

Spindle whorls and protomas are a separate category of ceramic items.

Spindle whorls are usually disk-shaped items with

курильниц.

В верхнем слое встречаются также фрагменты посуды с прозрачной глазурью, положенной поверх белого ангоба.

На городище Кескен Куяккала собрана коллекция серебряных и медных монет: среди них тюркешские, танские, бухар-худатские. В комплексах собранного подъемного материала ценными находками, подтверждающими тесную связь «болотных» городищ с Хорезмом, являются монеты Афригидского Хорезма VII-VIII вв.

Многочисленные ювелирные украшения, среди которых массивный бронзовый перстень со вставкой лазурита, фрагменты лазуритовых подвесок, бронзовые серьги, перстни, витые браслеты; бронзовые детали одежды, украшения поясов и элементов конской упряжи: бляшки (округлые, сердцевидные, прямоугольные, пяти- и шестиугольные, ажурные), наконечники ремней, пуговицы, подвески, бубенчики, обоймы, поясные пряжки. Интересна находка бронзовой статуэтки коня.

На городище собрана значительная коллекция бус из стекла и полудрагоценных камней.

Также найдены обломки каменных зернотерок, пестов, точильных камней.

Среди подъемного материала с Кескен Куяккалы следует отметить находку геммы с изображением птицы и лика девушки. Надпись на гемме - *bylpyk y wyhdyn*, сделанная на древнем пехвели, переводится как Бильбиг – Благоверная²⁷. Датируется гемма IV-V вв.

По другой версии прочтения надписи на гемме: «Фарн-бага Воху Дэна» - «Счастливый господин», что может быть собственным именем мужчины и «Благая Религия» – имя богини²⁸.

Железные изделия представлены обломками ножей, стремян, удила, гвоздей, деталями замков.

На основании датировки керамических материалов, данных радиоуглеродного анализа верхний разветвленный строительный горизонт можно отнести к концу XII – началу XIII в., второй строительный горизонт – к X-XI вв. Запустело городище в XIII в.

Полученные в ходе проведенных работ материалы позволяют сделать определенные выводы относительно трудовой деятельности жителей Кескен Куяккалы. С.П.Толстов характеризует хозяйство нижнесырдарьинских огузов как комплексное скотоводческо-земледельческо-рыболовное. О наличии у жителей городища развитого скотоводства свидетельствует большое количество костей домашних животных, происходящих как из культурного слоя, так и полученных в ходе подъемных сборов: корова, лошадь,

open-end holes. Some of them have engobe glaze and traces of attrition from the use. One spindle whorl was made of a crock of a large clay jar.

Two ceramic 'toes', decorated with carved floral ornaments are particularly interesting. Apparently, these 'toes' were used as cassolettes.

The upper level of excavations also has fragments of tableware with transparent glaze over the white engobe.

Additionally, during the excavations of the Kesken Kuyuk-kala ancient town archaeologists have found Turgesh, Tan and Bukhar-Hudat coins. The coins of the Afrigid Khoresm of the 7-8th centuries, which proves the connection of marsh towns with Khorezm, are among the most valuable findings.

Archaeologists also found numerous jewellery items, including a massive bronze finger ring with inserts made of lasurite, fragments of lasurite charms, bronze earrings, rings, bracelets, bronze details of clothing and elements of horse harness, including plaques (round, heart-shaped, rectangular, five and six-cornered as well as laced), caps for belts, buttons, pendants, bells, clips, belt buckles. It is interesting to note the finding of the bronze statuette of a horse.

Archaeologists managed to find a large collection of beads made of glass and semi-precious stones.

There are also fragments of stone grain mills, pestles and grinding stones.

Additionally, it is interesting to note the finding of a gem, featuring a face of a girl and a bird. The inscription *bylpyk y wyhdyn*, is made in the ancient Pehveli and means 'Bilbig the Blessed'²⁷. The gem dates back to the 4-5th centuries.

Another version of the translation of the inscription at the gem is *Farn-baga Vohu Dena* or 'happy master', which can be the name of a man and 'virtuous religion', which is the name of a goddess²⁸.

Metal items were presented by fragments of knives, stirrups, bits, nails and fragments of locks.

Based on the dating of ceramic material, data of radiocarbon analysis, it is possible to date the upper level back to late 12- early 13th century and the second level to the 10-11th century. The ancient town was abandoned in the 13th century.

The materials found during the excavations have allowed scholars to reach certain conclusions about the economy of the residents of Kesken Kuyukkala. Sergey Tolstov describes the economy of the Oghuz tribes which lived in the lower reaches of the Syr Darya as a complex way of life involving cattle breeding, agriculture and fishing. The presence of a great number of bones of domestic

баран, коза, верблюд. Карпологиические исследования, проведенные С.В. Баштанником, говорят о развитии земледелия. Жителям Кескен Куюккалы были знакомы такие культуры, как двурядный пленчатый ячмень *Hordeum vulgare distichum*, пшеница мягкая *Triticum aestivum*, и, возможно, бобовые.

Приуроченность городищ к болотистым дельтовым протокам (отсюда характеристика «болотные»), а также находки рыбьей чешуи и костей свидетельствуют о важном значении рыболовства в жизни жителей.

Материалы, полученные в ходе работ на Кескен Куюккале, подтверждают значительное развитие гончарства, стеклоделия, железоделательного и меднолитейного производств, характерных для города.

Таким образом, «города огузов» на Сырдарье возникли и развивались в большинстве своем задолго до прихода в них огузов и туркмен и можно говорить лишь об огузском периоде в их существовании, о времени, когда огузы доминировали здесь в политическом отношении. Города подчинялись огузам. Они управлялись огузами, которые имели в них своих наместников, резиденции, хранили казну. Янгикент и Хувара были новой и старой столицами огузов, а последней скорее всего соответствует городище Кескен Куюккала. Часть огузов и туркмен перешла к оседлости и переселилась в города и влившись в состав населения восприняла городской быт и культуру, домостроительство. Но в производстве, в первую очередь в домашней керамике, часть которой использовалась в культовых обрядах, связанных с приготовлением пищи, они сохранили свою этническую специфику.

Рассматривая проблему «городов огузов», видимо, следует отметить наличие в долине Сырдарьи типичной этнополитической ситуации, восходящей к эпохе Кангюя. Это «кочевой» характер государства, рисуемый некоторыми письменными источниками, с одной стороны, и наличие развитой оседлой городской культуры, ярко представленной археологическими материалами.

Следующий этап связан с ранним средневековьем, когда на Средней Сырдарье сформировалось самостоятельное владение Кангу Тарбан. В Кангу Тарбане сложился военно-политический блок печенегов с оседлым населением оазисов²⁹. Велика была роль кангаров в формировании огузского, а затем кыпчакского союза племен³⁰.

Позднее, в X-XI вв. на Сырдарье в предгорьях Каратау складывается государство кочевых и полукочевых огузских и туркменских племен с оседлым и городским населением, уже принявшим ислам, но сохранившим

animals found in cultural layers proves the presence of well-developed cattle breeding practices. The residents of the ancient towns bred camels, goats, sheep, horses and cows. Carpological studies, conducted by S.V. Bashtanik, proved the high level of development of agriculture. The residents of Kesken Kuyukkala were familiar with such crops as *Hordeum vulgare distichum* double-row barley, *Triticum aestivum* soft wheat and possibly, with the legumes.

The connection of the settlements to swampy deltaic ducts (hence the notion of 'marsh towns') and the findings of fish scales and bones testify to the importance of fishing for the residents.

The materials obtained during the excavation works at Kesken Kuyukkala, only confirm significant development of pottery, glass making, iron and brass casting production specific to the ancient towns.

In most cases, the 'towns of the Oghuz' on the Syr Darya emerged and developed long before the arrival of the Oghuz and Turkmen at this territory. Today it is possible to identify and discuss the Oghuz period of their existence and the time of the political domination of the Oghuz on the territory. These towns were ruled by the Oghuz, who had their governors and kept their treasury in these towns. Yangikent and Huwara were new and old capital towns of the Oghuz, and the old capital, the town of Huwara is most likely located at the Kesken Kuyukkala archaeological site. Part of the Oghuz and Turkmen started to live in towns and later became assimilated with the urban population by adopting the urban lifestyle and culture as well as the urban household practices. However, they preserved their ethnic specificity in the production, especially of domestic ceramics, part of which was used for religious rituals associated with food preparation.

Considering the issue of 'the Oghuz towns', it is worth noting the typical ethnic and political context that dates back to the era of Kanguy, in the Syr Darya basin. This includes the 'nomadic' nature of the state, described in some written sources on the one hand, and the presence of the developed sedentary urban culture, evident from the available archaeological material, on the other.

The next stage is connected with the early Medieval Age, when Kangu Tarban, an independent Turkic state appeared on the Middle Syr Darya. Kangu Tarban was founded as a symbiosis of the military and political assembly of the Pecheneg with the sedentary urban population²⁹. The role of the Kangar in the establishment of Oghuz and then Kipchak tribal unions was quite significant³⁰.

Later, in the 10-11th centuries, the foothills of the Karatau at the Syr Darya witnessed the establishment

традиции доисламских религий. Государство огузов, огузы и туркмены играли важную роль в истории Евразии, в политической, экономической и культурной жизни государств на территории Казахстана, Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока, Закавказья, Малой Азии и Восточной Европы³¹.

Проблема «городов огузов» является частью проблемы «Город и степь»³².

¹ Огузы - тюркоязычные племена Центральной Азии. Туркменами называлась часть огузов, смешанная с ираноязычным населением. Сельджуки - это объединение племен, основное ядро которых составляли огузы и туркмены. См.: Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад, 1969. С.5-7; Агаджанов С.Г. Сельджукиды и Туркмены в XI-XII вв. Ашхабад, 1973. С.5. ² История Казахстана. Алматы, 1996. Т.1. С.3, 18-320.

³ Художественные новости. Санкт-Петербург, 1883. №4. С.132.

⁴ Стасов В.В. Неучи и доки. Собр. соч. в 4 т. Санкт-Петербург, 1894. Т.II. С.192.

⁵ Толстов С.П. Города гузов // Советская этнография. Москва, 1947. №3. С.55-102.

⁶ Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии. IX-XIII вв. С.23, 49-85.

⁷ Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов Средней Азии IX-XIII вв. С.49-85.

⁸ Арабские и персидские источники (VII-XV вв.) // Материалы по истории туркмен и Туркмении (МИТТ). Под ред. С.А.Волгина, А.А.Ромаскевича, А.Ю.Якубовского. М.-Л., 1939. Т.I. С.311-312.

⁹ МИТТ. Т.I. С.220-222.

¹⁰ МИТТ. Т.I. С.311.

¹¹ Бартольд В.В. Очерк истории туркменского народа // Сочинения. Москва, 1963. Т.II. Ч.1. С.558-561; Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. С.76, 133-135, 176-178.

¹² Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. С.49-85; Байпаков К.М. Огузы, туркмены и сельджуки в городах Жетысу и Южного Казахстана // Известия НАН РК / Серия общественных наук. Алматы, 2007. №1. С.35-61.

¹³ МИТТ. Т.I. С.211.

¹⁴ Бартольд В.В. Очерк истории туркменского народа. С.561.

¹⁵ Толстов С.П. Города гузов. С.99-100.

¹⁶ Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI - начало XIII в.). Алма-Ата, 1986. С. 106, 121.

¹⁷ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Москва, 1963. Соч. Т.I. С.235.

¹⁸ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С.483.

¹⁹ Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С.28.

²⁰ Байпаков К.М. Огузы, туркмены и сельджуки в истории Жетысу и Южного Казахстана. С.52.

²¹ Левина А.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. Москва, 1973. С.76-89.

²² Зуев Ю.А. Сармато-Аланы Приаралья (Яныцай Абзояй)

of the state of nomadic and semi-nomadic Oghuz and Turkmen tribes with urban population, who have already adopted Islam but retained some of the traditions of pre-Islamic religions. The Oghuz state, the Oghuz and Turkmen tribes played a significant role in the history of Eurasia, in the political, economic and cultural life of the states on the territory of Kazakhstan, Central Asia, Middle and Far East, South Caucasus, Asia Minor and Eastern Europe³¹.

Therefore the issue of 'Oghuz towns' of is a part of the more global theme, 'the Town and the Steppe'³².

¹ Oghuzs are the Turkic-speaking tribes of Central Asia. Turkmen are the part of the Oghuz mixed with the Iranian population. Seljuk is the association of tribes, whose main core is composed of Oghuz and Turkmen. See.: Agadzhanov S.G. Ocherki istorii oguzov i turkmen Sredney Azii IX-XIII vv. Ashkhabad, 1969. P. 5-7; Agadzhanov S.G. Seldzhukidy i Turkmeniya v XI-XII vv. Ashkhabad, 1973. P.5.

² Istoriya Kazakhstana. Almaty, 1996. T.1. P.3, 18-320.

³ Khudozhestvenniye novosti. Sankt-Petersburg, 1883. №4. P.132.

⁴ Stasov V.V. Neuchi i doki. Sobr. soch. v 4 t., Sankt-Petersburg, 1894. T.II. P.192.

⁵ Tolstov S.P. Goroda guzov // Sovetskaya etnografiya. Moskva, 1947. №3. P.55-102.

⁶ Agadzhanov S.G. Ocherki istorii oguzov i turkmen Sredney Azii. IX-XIII vv. P.23, 49-85.

⁷ Agadzhanov S.G. Ocherki istorii oguzov Sredney Azii IX-XIII vv. P.49-85.

⁸ Arabskiye i persidskiye istochniki (VII-XV vv.) // Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (MITT). Pod red. S.L.Volina, A.A.Romaskevicha, A.YU.Yakubovskogo. M.-L., 1939. T.I. P.311-312.

⁹ MITT. T.I. P.220-222.

¹⁰ MITT. T.I. P.311.

¹¹ Bartold V.V. Ocherk istorii turkmenskogo naroda // Sochineniya. Moskva, 1963. T.II. CH.1. P.558-561; Agadzhanov S.G. Ocherki istorii oguzov i turkmen Sredney Azii IX-XIII vv. P.76, 133-135, 176-178.

¹² Agadzhanov S.G. Ocherki istorii oguzov i turkmen Sredney Azii IX-XIII vv. P.49-85; Baipakov K.M. Oguzy, turkmeny i seldzhuki v gorodakh Zhetysu i Yuzhnogo Kazakhstan // Izvestiya NAN RK / Seriya obshchestvennykh nauk. Almaty, 2007. №1. P.35-61.

¹³ MITT. T.I. P.211.

¹⁴ Bartold V.V. Ocherk istorii turkmenskogo naroda. P.561.

¹⁵ Tolstov S.P. Goroda guzov. P.99-100.

¹⁶ Baipakov K.M. Srednevekovaya gorodskaya kultura Yuzhnogo Kazakhstan i Semirechya (VI - nachalo XIII v.). Alma-Ata, 1986. P. 106, 121.

¹⁷ Bartold V.V. Turkestan v epokhu mongolskogo nashestviya // Sochineniya. Moskva, 1963. Soch. T.I. P.235.

¹⁸ Bartold V.V. Turkestan v epokhu mongolskogo nashestviya. P.483.

¹⁹ Baipakov K.M. Srednevekovaya gorodskaya kultura Yuzhnogo Kazakhstan i Semirechya. P.28.

²⁰ Baipakov K.M. Oguzy, turkmeny i seldzhuki v istorii Zhetysu i Yuzhnogo Kazakhstan. P.52.

²¹ Levina L.M. Keramika Nizhney i Sredney Syrdari v I tysi-

// Культура кочевников на рубеже веков (XIX-XX, XX-XXI вв.): Проблемы генезиса и трансформации. Алматы, 1995. С.42-43.

²³ Толстов С.П. Города гузов. С.55-75.

²⁴ Левина А.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи. С.76-89.

²⁵ Ахатов Г.А., Смагулов Т.Н., Ганиева А.С., Амиргалина Г.Т. Археологические исследования древнего городища Джанкент // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие в 2006 году». Алматы, 2007. С.143-146; Курманкулов Ж.К., Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Рузанова С.А., Сыдыков Ж.Т. Материалы Джанкентской археологической экспедиции // Археологические работы на городище Джанкент в 2006 году. Алматы, 2007; Байпаков К.М., Воякин Д.А., Долгушев А.С., Антонов М.А., Кудабаяев Ч.А., Серапы Н. Исследования городища Жанкент в полевом сезоне 2009 г. // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2009 г. Алматы, 2010. С.215-218; Байпаков К.М., Воякин Д.А., Сорокин Д.В., Акылбек С.Ш., Долгушев А.С., Кудабаяев Ч.А. Раскопки Джанкента в 2010 г. // Археологические исследования по Государственной программе «Культурное наследие» в 2010 г. Алматы, 2011. С.117-119.

²⁶ Анализ проб выполнен в лаборатории геоархеологии Института геологии им. К.И. Сатпаева (Б.Ж. Аубекеров, С.А. Нигматова).

²⁷ Прочтение и перевод В.А. Лившица, А.И. Колесникова.

²⁸ Прочтение и перевод А.К. Акишева.

²⁹ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. Москва, 1964. С.101-179.

³⁰ Толстов С.П. Города гузов. С.101; Байпаков К.М. Городище Куйрыктобе – город Кедер. Алматы, 2005. С.48-57.

³¹ Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. С.5-7; Агаджанов С.Г. Сельджуки и туркмены в IX-XII вв. Ашхабад, 1973; Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. Москва-Ленинград, 1947. С.244-252; Байпаков К.М. Огузы, туркмены и сельджуки в городах Жетысу и Южного Казахстана. С.35-61.

³² Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Книга I: Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы – раннем средневековье. Алматы, 2012. С.12-25.

acheletii n.e. Moskva, 1973. P.76-89.

²² Zuyev YU.A. Sarmato-Alany Priaralya (Yantsay Abzooya) // Kultura kochevnikov na rubezhe vekov (KHKH-KHKKH, XX-XXI vv.): Problemy genezis i transformatsii. Almaty, 1995. P.42-43.

²³ Tolstov S.P. Goroda guzov. P.55-75.

²⁴ Levina L.M. Keramika Nizhney i Sredney Syrdari. P.76-89.

²⁵ Akhatov G.A., Smagulov T.N., Ganiyeva A.S., Amirgalina G.T. Arkheologicheskiye issledovaniya drevnego gorodishcha Dzhan Kent // Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh po Gosudarstvennoy programme «Kulturnoye nasledie v 2006 godu». Almaty, 2007. P.143-146; Kurmankulov ZH.K., Arzhantseva I.A., Zilivinskaya E.D., Ruzanova S.A., Sydykov ZH.T. Materialy Dzhan Kent skoy arkheologicheskoy ekspeditsii // Arkheologicheskiye raboty na gorodishche Dzhan Kent v 2006 godu. Almaty, 2007; Baipakov K.M., Voyakin D.A., Dolgushev A.S., Antonov M.A., Kudabayev CH.A., Seraly N. Issledovaniya gorodishcha Zhankent v polevom sezone 2009 g. // Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh po Gosudarstvennoy programme «Kulturnoye nasledie» v 2009 g. Almaty, 2010. P.215-218; Baipakov K.M., Voyakin D.A., Sorokin D.V., Akylbek S.SH., Dolgushev A.S., Kudabayev CH.A. Raskopki Dzhan kenta v 2010 g. // Arkheologicheskiye issledovaniya po Gosudarstvennoy programme «Kulturnoye nasledie» v 2010 g. Almaty, 2011. P.117-119.

²⁶ Analiz prob vpolnen v laboratorii geoarkheologii Instituta geologii im. K.I. Satpayeva (B.ZH. Aubekero, S.A. Nigmatova).

²⁷ Prochteniy e i perevod V.A. Livshitsa, A.I. Kolesnikova.

²⁸ Prochteniy e i perevod A.K. Akisheva.

²⁹ Klyashtornyy S.G. Drevnetyurkskiye runicheskiye pamyatniki. Moskva, 1964. P.101-179.

³⁰ Tolstov S.P. Goroda guzov. S.101; Baipakov K.M. Gorodishche Kuyryktobe – gorod Keder. Almaty, 2005. P.48-57.

³¹ Agadzhanov S.G. Ocherki istorii oguzov i turkmen Sredney Azii IX-KHSH vv. P.5-7; Agadzhanov S.G. Seldzhuki i turkmeny v IX-XII vv. Ashkhabad, 1973; Tolstov S.P. Po sledam drevnekhorezmiyskoy tsivilizatsii. Moskva-Leningrad, 1947. P.244-252; Baipakov K.M. Oguz, turkmeny i seldzhuki v gorodakh Zhetysu i Yuzhnogo Kazakhstana. P.35-61.

³² Baipakov K.M. Drevnyaya i srednevekovaya urbanizatsiya Kazakhstana (po materialam issledovaniy Yuzhno-Kazakhstanskoy kompleksnoy arkheologicheskoy ekspeditsii). Kniga I: Urbanizatsiya Kazakhstana v epokhu bronzy – rannem srednevekovye. Almaty, 2012. P.12-25.

ОБРАЗ ТИМУРА В ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЕ: МИФОЛОГИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

TAMERLANE IN THE WESTERN CULTURE: MYTHS AND REALITY

© 2012 г. А.С. Татыбаев

Ташкент, Узбекистан

© 2012 A.S. Tatybaev

Tashkent, Uzbekistan

«Клио тоже муза...»

Аристотель

‘Clio is also a muse...’

Aristotle

Тимур, безусловно, принадлежит к числу тех избранных исторических исполинов, «вечных спутников человечества», чья жизнь и деяния на протяжении столетий будоражат умы как простых обывателей, так и высокообразованных интеллектуалов от науки, культуры и искусства. Его титанический образ затрагивает нечто в глубинах архетипов коллективного бессознательного как на Востоке, так и на Западе, что позволяет ему подобно древнегреческому Протею представлять многоликим в культуре и широком общественном сознании. Он – беспримерный герой былинно-эпического масштаба, ревностный защитник истинной веры, блюститель исконно тюрко-монгольских номадических традиций, очарованный блеском иранской урбанистической культуры, идеологический стержень, сакральный символ национального строительства и самосознания и, вместе с тем, «бич Божий» – соперник Атиаллы и Чингиз-хана, олицетворение чуть ли не вселенского зла, потрясший своими «преступными деяниями» основы мироздания.

Восприятие образа Тимура и оценка его исторического наследия менялись в зависимости от исторической эпохи и были обусловлены политическим контекстом, идеологическими стереотипами и, конечно же, различными культурными традициями и в не меньшей степени персональными предпочтениями. В мусульманском мире, в целом, имя Тимура пользовалось и пользуется большим уважением, его обычно считают великим завоевателем (он прочно вошел в канон четырех победоносных воителей, чтимых на Востоке, включающий наряду с ним Искандера Зулкарнайна, Махмуда Газневи и Чингиз-хана) и защитником веры. Перед своими мусульманскими современниками Тимур предстает как «господин счастливых обстоятельств», человек возвысившийся над себе подобными. Но его поступки определяются не его личностью, не заложенными в ней способностями и не историческими обстоятельствами, а вовлечением «господина счастливых обстоятельств» в более высокую, сверхиндивидуальную связь. Не человек Тимур сам по себе повелевает странами и народами, а та власть, загадочная поверхность которой образует мир

There can be no doubt that Tamerlane is one of those historic giants, ‘constant companions of the mankind’, whose life and deeds stir the minds of both ordinary people and the lofty intellectuals in various areas of science, culture and art. His titanic image gets in touch with some archetype in the depths of the collective unconscious both in the East and in the West, which makes him like ancient Greek Proteus, a many-faced figure in culture and the broad social consciousness. He is an unprecedented, almost epic hero, a zealous defender of the faith, a guardian of the Turkic and Mongol nomadic traditions, charmed by the brilliance of the Iranian urban culture, an ideological pivot and a sacral symbol of national building, on the one hand, and the scourge of God, the rival of Attila and Genghis-khan, the personification of all the evil in the world, who shuddered the foundations of the universe with his ‘criminal deeds’, on the other.

Tamerlane and his heritage were treated and estimated differently in different periods, which depended on political context, ideological stereotypes, cultural traditions and, certainly, individual preferences. Generally, Tamerlane has always been highly respected in the Muslim world, regarded as a great conqueror (in the East he is considered one of the four greatest generals, placed in a line with Alexander the Great, Genghis-khan and Mahmud Gaznevi) and an advocate of faith. Tamerlane’s Muslim contemporaries thought of him as the ‘master of luck’, a man who rose above his likes. But his acts are not determined by his personality, his abilities or by historical conditions: the ‘master of luck’ was tangled in a higher, super-individual bond. It is not Tamerlane the human being that rules the countries and peoples, but power that possesses him, the enigmatic surface of which forms the world of the innermost and the real order of which can only be seen in the innermost¹.

He was considered an uncompromising adversary by the people of India and the South Caucasus, which he conquered several times, and they still tremble at